

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Плутарх

Жизнеописание Александра

Он по справедливости навлек на великую власть обвинение в том, что она не дает человеку сохранить свой прежний нрав, но делает его непостоянным, высокомерным и бесчеловечным. В чем тут причина: счастье ли колеблет и меняет человеческую природу или, что вернее, полновластье делает явными глубоко спрятанные пороки, – это следовало бы рассмотреть в другом сочинении.

Плутарх, "Сулла"

Конец жизнеописания Александра утрачен.

Примечания к "Избранным жизнеописаниям" Плутарха. Некоторые писатели считают, что эта болезнь и послужила причиной изменения характера Александра и появления в нем дурных сторон, я же полагаю, что изменения происходили в нем постепенно и раньше, чему свидетельством служат многие дурные и неразумные поступки, о которых я уже говорил. Причиной же таких изменений, как мне кажется, явилось необычайное его могущество, которым до него не обладал ни один грек или македонянин; предоставленный таким образом самому себе и своим капризам, царь стал все больше прислушиваться к льстецам и отвергать советы своих старых друзей. Непривычный к восточной роскоши, он отбросил однако в своем стремлении приспособить свой образ жизни к местным обычаям умеренность, которой его учили в детстве, и стал походить больше на изнеженного варвара, чем на цивилизованного человека. Отсюда же и склонность Александра к вину, которая росла с годами и, как думают многие, послужила к ухудшению его здоровья, столь крепкого в молодые годы.

LXXVII. На двадцать восьмой день месяца десяя к вечеру лекари объявили, что Александр скончался. Тотчас явились многие из македонян и хотели пройти к телу, но врачи отказали им в этом, ссылаясь на волю покойного. Тогда высшие военачальники собрались в одной из комнат дворца, чтобы посоветоваться, что делать дальше. Вскоре, однако, между ними началась ссора, так как ни один не хотел уступить другому власти, которая оказалась неожиданно в их руках. Между тем Александр, встав с ложа, спрятался за дверь комнаты и слышал все, что говорили. Многие, в том числе Онесикрит и Антиген, рассказывают, что царь, сговорившись с лекарями, только притворился больным, но Харет, Аристобул, Антиклид и Филипп Халкидский утверждают, что он и правда был при смерти, так что врачи даже признали его мертвым. Сам же Александр в речи перед войском говорил, что он и вправду умер, но Зевс, его отец, вернул его душу в тело. Наше мнение таково, что какой бы из этих рассказов ни был верен, лучше бы для Александра было умереть тогда, в блеске славы и восхищения, чем жить и совершить те деяния, о которых будет идти речь далее.

Итак, Александр слушал за дверью и все больше преисполнялся гневом. Наконец, не в силах далее терпеть, он стремительно вбежал в комнату, позабыв даже, что был наг. Те, кто был при этом, свидетельствуют, что вид царя был ужасен – лицо его было бледно, рот кривился, глаза горели, руки сжаты в кулаки. Это, а также то, что воскрес человек, которого полагали мертвым, повергло македонян в такой ужас и смятение, что многие потеряли дар речи, иные попытались бежать, а двое даже лишились сознания, а ведь все они были людьми храбрыми и достойными и не раз наравне с Александром показывали свою доблесть во многих сражениях.

LXXVIII. Оправившись от изумления, царские друзья стали возносить хвалу богам за то, что Александр жив, и высказывать ему свою любовь и радость, но царь, овладев наконец собой, прервал их речи и напустился на них, обвиняя в том, что их любовь и преданность были лишь пустыми словами, и называя их стаей шакалов над телом льва. Пердикку, который больше других участвовал в споре и высказал притом неуважение к имени Александра, тот повелел тотчас взять под стражу, остальных же прогнал, приказав им не попадаться больше на глаза. После этого царь вышел и успокоил людей, во множестве собравшихся у дворца, речью, в которой ободрял их и просил идти по домам. Толпа,

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
удовлетворенная не столько речью, сколько самим видом живого царя,
разошлась.

Из царских же друзей больше других повезло Неарху, который в тот вечер был болен и не пошел во дворец. Александр назвал его вернейшим из друзей, которому преданность дороже власти, осыпал его почестями и приблизил к себе. Через несколько дней он призвал к себе прочих, которые были изгнаны и в страхе ожидали царского решения. Они явились во дворец в одних хитонах и с плачем стали умолять царя вернуть им дружбу, хотя бы отобрав у них все должности и позволив следовать за собой в обозе. Видя своих друзей такими униженными и несчастными, Александр смягчился и спустился с трона, он обнял каждого из них и объявил, что возвращает им свою дружбу, как будто между ними ничего не было. Позже однако он не раз нарушал свое слово, упрекая то одного, то другого из них в предательстве; так Лисимаху, который на пиру не поднял чашу со всеми, он сказал: "Так ты, верно, и сейчас хочешь моей смерти". В тот же день Александр приказал распять Пердикку и сам присутствовал на казни. Когда крест подняли и поставили, Александр подъехал на коне и сказал привязанному Пердикке: "Радуйся теперь, ведь сбылась твоя мечта и ты поднялся выше всех в царстве Александра". Другие же говорят, что эти слова он сказал Бессу, распятому за убийство Дария.

LXXIX. Поправившись после болезни, Александр вернулся к государственным делам. Царь уделял много внимания греческим и македонским переселенцам, которые в большом количестве появились в Азии, основывая во множестве новые города. Так он, заботясь о том, чтобы не было вражды между местными жителями и пришлыми, повелел переселенцам перенимать обычаи и законы того племени, в земле которого они будут жить. Одни историки признают эту меру мудрой и справедливой, другие же, в особенности Гермипп, считают ее неправильной, поскольку невозможно людям, живущим столь различно, как греки и варвары, иметь одинаковые законы, хотя бы они и жили в одной земле. Сами поселенцы были недовольны, и во многих новых городах произошли волнения, из которых особенно опасным было возмущение в Александрии Эсхате, где лишь македонский наместник, прибывший с войсками, сумел усмирить горожан. Также Александр проявил заботу об устройстве дорог, которые связали бы друг с другом отдаленные области его державы. Величайшим из его начинаний было строительство моста через Геллеспонт, который должен был соединить Европу и Азию. Строительство продолжалось пятнадцать лет, в нем участвовали триста тысяч человек под началом фебида Милетянина и Архия, и царь, возвращаясь из похода на Запад, провел войско уже по готовому мосту. Рассказывают, что этот мост был величайшим из когда-либо построенных людьми, под его основание было высыпано сто миллионов медимнов земли, под аркой моста свободно проплывал десятиарусный корабль с поднятой мачтой, а по нему в ряд могли проехать двадцать всадников. Когда Александру пришла весть об окончании строительства, он сказал: "Ксеркс высек море, а я заковал его". Мост простоял сорок три года и обрушился во время землетрясения. Остатки его до сих пор можно видеть недалеко от Сеста.

LXXX. Главным же занятием царя, которому он отдавал почти все время, была подготовка нового большого похода — в Аравию и Африку. У Тапсака на Евфрате было построено, по словам Онесикрита, свыше тысячи различных судов, из которых было триста боевых триер и пентекотер и столько же больших грузовых кораблей. Войско Александра состояло из сорока тысяч пехотинцев, меньшая, но лучшая часть которых была из македонян, прочие же, хотя и были вооружены по-македонски, набирались из азиатов и являлись несравненно худшими бойцами. Конницы было пять тысяч, моряков — тридцать тысяч. Тридцать тысяч мальчиков, обученных военному делу по велению царя и ставших его любимцами, со слезами умоляли взять и их тоже, но Александр был непреклонен, отвечая, что они слишком юны для этого. Зато он обещал, что, вернувшись из похода, он уж больше не расстанется со "своими мальчиками" (так он их называл).

Все прорицатели в один голос прочили ему победы и небывалую славу. Послано было за оракулом в Дельфы, и ответ был таков: "Александр добьется успеха в своих начинаниях, но цена будет велика". Услышав это, Александр сказал: "За славу мне не жаль никакой цены". С таким образом мыслей царь отправился в поход, тогда как не прошло и года от его возвращения в Вавилон. Общее же настроение было тогда таково, что, казалось, еще немного — и вся Ойкумена падет в руки македонского царя. Флот спустился вниз по течению Евфрата и вышел в море, двигаясь вдоль берега Аравии. Здесь войско и корабли разделились, флот царь оставил Неарху, а сам с армией двинулся сушей. Поход оказался очень труден, так как Аравия представляет собой огромную пустыню, где ничего нет кроме камней и песка, а племена, населяющие эту землю, дики

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
и воинственны. Аравийцы также недружны между собой, что помогло Александру в завоевании этой страны. Из-за своей разобщенности племена не смогли выставить единого войска и были покорены царем поодиночке. Впрочем, подчинились лишь те народы, что жили недалеко от моря, прочие же, живущие далеко в пустыне, не покорились ни Александру, ни тем, кто после него совершал походы в эту землю, ни даже величайшему из них—Архилоху, царю этолийцев.

LXXXI. Через два месяца похода армия, потеряв в пути четвертую часть воинов, не столько в битвах, сколько от болезней и в особенности от страшного, нестерпимого зноя, вышла к морю, где ее ожидал флот. Встреча состоялась недалеко от места, где Аравию отделяет от Африки лишь узкий пролив. Александр предоставил войску отдых и на третий день собрал военачальников на совет. Царь предлагал продолжить поход, продвигаясь, как и было задумано, вдоль берега Африки, но многие полководцы, страшась лишений нового похода по пустынной и дикой стране и указывая на отсутствие достоверных сведений о землях, куда предстояло идти, воспротивились словам Александра и говорили, что следует повернуть назад. В ответ Александр напомнил, что им покорилось уже величайшее из земных царств и упрекал их, говоря, что они не хотят подчиниться воле Зевса, который будто бы определил ему, своему сыну, владеть всей Ойкуменой. Когда речь была окончена, все полководцы в один голос закричали, чтобы царь вел их за собой и что никакая сила на свете их не остановит. Некоторые сообщают, что такое единодушие было вызвано не речью царя, но опасением македонян за свои жизни, так как по приказу Александра шатер был окружен отборными гейтарами. На том совет окончился и полководцы разошлись. Солдатам было объявлено, что на другой день им выступать в поход.

LXXXII. Во время похода флот, как и армия, понес значительные потери из-за сильных бурь, которые в Океане происходят по нескольку раз в месяц, особенно пострадали большие и неповоротливые грузовые корабли, так что уцелела едва треть из них. Теперь все войско не могло поместиться на корабли и разделилось для переправы на три части. Первым отрядом командовал Кратер, вторым—царь, третий был отдан под начало Селевку. Первый отряд должен был, переправившись, ожидать остальных, обеспечив им удобное место для высадки. Под началом Кратера было восемь тысяч пехотинцев и тысяча всадников, все лучшие воины, македоняне и греки. Говорят, будто Александр, рассерженный на Кратера и прочих македонян, хотел преподнести им урок, послав сражаться с варварами впереди остальных с недостаточными силами, затем же явиться самому и одержать победу, доказав таким образом свою правоту. Об этом говорят Унесикрит, Истр и Аристотель в своем письме Клитарху. Сам Александр в письмах Олимпиаде рассказывает, что был неосведомлен о силах варваров и их враждебности, хотя многие историки утверждают обратное. Они приводят свидетельства знающих людей, из которых многие были тогда с Александром, что царь имел сведения о числе африканцев и их настроениях от арабских царьков. По моему мнению, если Александр действительно не знал о силах врагов, он вел себя недостойно полководца, а если знал, то его поступок был недостойн друга и цивилизованного человека.

LXXXIII. Кратер благополучно пересек пролив и высадил свое войско на берегу. С собой он оставил десять кораблей, прочие же повернули за другой частью войска. Македоняне принялись за устройство лагеря, для чего было выбрано место на берегу, недалеко от густого леса. Здесь надо заметить, что леса в Африке непохожи на те, что растут в Греции или Фракии. Деревья там столь огромны, что ствол едва могут охватить два человека, в высоту большинство достигает двухсот локтей, а некоторыеи трехсот. Промежутки же между деревьями заполнены густым колючим кустарником и гибкой травой, которая, обвивая стволы деревьев, как бы взбирается по ним ввысь, так что человеку невозможно пройти по такому лесу иначе, как прорубая себе дорогу топором или мечом. Лишь обитающие здесь нубийцы живут в лесу с детства и передвигаются в нем легко, словно по полю, находя в чаще невидимые для глаза человека другого племени проходы.

Вот с этими племенами и пришлось сразиться Кратеру. Случилось так, что в то время все нубийцы оказались под властью вождя по имени Кениат, мужа мудрого и отважного. Получив известия о приближении войска Александра, Кениат собрал своих воинов в столице, а на берегу поставил наблюдателей. Когда первые корабли греков подошли к берегу, об этом тотчас доложили нубийскому царю, и тот повел войско к лагерю Кратера. Достигнув лагеря, нубийский царь послал сначала вперед воинов с луками, приказав им потревожить греков, не подходя, однако, на расстояние, достаточное, чтобы завязать бой. Когда же

Кратер послал легковооруженных, чтобы отогнать нубийцев, Кениат вывел из леса все свое войско и стал строить его, будто бы для битвы. Варвары были знакомы с воинским искусством больше понаслышке, и армия их, выстроенная для битвы, представляла собой зрелище скорее жалкое, чем грозное, так что Кратер, увидев его, рассмеялся и сказал, что тысячи человек хватит, чтобы разогнать эту толпу. Так он и сделал, послав против нубийцев тысячу тяжеловооруженных и пятьсот всадников во главе с Никомахом, сам же остался руководить устройством лагеря. Нубийцы не могли и минуты выдержать правильной атаки и бросились бежать в лес, что высылся за их спинами. Македоняне последовали за ними, стремясь довершить победу. Но уже при входе в чащу всадникам пришлось спешиться, а пехотерасстроить плотные ряды фаланги. Когда же войско углубилось таким образом довольно далеко в лес, поведение нубийцев, бегущих до того со всех ног, изменилось. Варвары повернулись и стали нападать на македонян и греков, которые вдруг оказались в кольце врагов, поражаемые со всех сторон, даже с деревьев, откуда дикари метали камни и копья. Никомах пал одним из первых, стрела попала ему в глаз через отверстие в шлеме. Началась паника. Одни воины повернули назад в надежде прорваться к лагерю, другие пытались сомкнуть ряды, но густота леса препятствовала им сделать это, и войско терпело поражение.

LXXXIV. Несколько солдат все же удалось пробраться через лес и достичь лагеря. Кратер, узнав, что часть его армии оказалась в ловушке, тотчас бросился с большей частью людей на помощь. Нубийцы отступили перед ним, дав грекам воссоединиться с товарищами, а затем вновь применили ту же хитрость против нового греческого войска. Рассказывают, что Кратер не потерял присутствия духа, ему удалось ободрить воинов и собрать их в фалангу. Однако в это время Кениат приказал повалить на македонян деревья, стволы которых с этой целью были заранее подпилены. Множество людей было убито, все прочие обратились в бегство. О том, что случилось с Кратером, говорят разное. Одни утверждают, что его придавило деревом, по словам других, он, раненый и брошенный своими солдатами, бросился на меч, третьи рассказывают, что варвары пленили его и принесли в жертву своим богам. Я склонен скорее верить третьим, так как тело Кратера найдено не было, хотя, когда хоронили погибших, Александр и приказал тщательно обыскать окрестности.

Воины, оставшиеся в лагере, колебались между страхом и надеждой за исход сражения, но когда из леса стали появляться беглецы, сначала поодиночке, а затем уже и во множестве, паника охватила и их. Все бросились к кораблям, которых, как я говорил выше, было лишь десять. Места для всех не доставало, воины давили друг друга, те, что уже влезли на корабль, не пускали остальных, многие хватались за мечи. Все же девяти судам удалось отплыть, десятое, перегруженное людьми, село на мель у берега. Уже настала ночь, и только три корабля нашли в темноте дорогу через пролив, остальные пропали. Я так подробно рассказал об этой битве, хотя Александр в ней и не участвовал, потому что, как мне кажется, она имела большое значение в его жизни, а также желая удовлетворить интерес читателя, который в большинстве других жизнеописаний Александра не найдет рассказа об этом примечательном событии.

LXXXV. Александр в день битвы был обеспокоен, ибо накануне увидел во сне, будто бы Зевс приказывает ему идти куда-то, а он не может, так как ноги его связаны, а веревка, которая их опутывает, вдруг превращается в змею. Прорицатели убедительно истолковали этот сон, найдя, что змея-самое длинное из известных животных, представляет Нил-самую длинную из рек, таким образом Африка, по которой протекает Нил, будет препятствием Александру в покорении мира, как это предопределил ему Зевс.

Когда вернулись пустые корабли, царь приказал воинам садиться на них. Погрузка была уже близка к завершению, когда все были поражены странным знамением: пролетавшая над флотом птица упала мертвой на корабль Александра. Сам он, сильно встревоженный этим, хотел пересест на другое судно, но внезапно передумал и отдал приказ всем сходить на берег с тем, чтобы переждать день, когда боги явно показали свое неудовольствие, и отплыть завтра. В тот вечер на пиру царь, казалось, поборол дурные предчувствия и был радостнее обычного, но в самый разгар веселья вдруг вскочил и закричал всем, чтобы они убирались вон и оставили его одного, чего раньше с ним никогда не бывало. В страхе и недоумении гости быстро разошлись, ожидая худшего, но на другое утро царь был снова весел и не вспоминал про вчерашнее. Со временем такое стало чаще случаться с Александром, который все менее был склонен сдерживать свой гнев или дурное настроение, предпочитая скорее излить его на любого, кто попадет под

руку, хотя бы и на друзей. Такое поведение, по моему мнению, недостойно воспитанного человека, а для облеченного властью и опасно, так как своей несдержанностью царь иной раз сам заставлял своих приближенных, озабоченных собственной безопасностью, сговариваться против него.

LXXXVI. На следующий день с утра вновь началась посадка на корабли, и на этот раз все прошло благополучно. Вскоре флот, провожаемый напутствиями оставшихся, отплыл к Африке. На середине пути с ним встретились суда с беглецами, которые всю ночь провели стоя неподвижно, так как ни на одном не оказалось человека, способного найти путь по звездам. Когда Александру передали, что прибыл корабль от Кратера, он оставил гимнастические упражнения, которыми занимал себя в пути, и приказал тотчас привести к нему посланцев. Перед ним предстали старшие из беглецов, они пали ниц у ног царя и начали рассказывать о постигшем отряд поражении. На протяжении рассказа царь все больше приходил в волнение, он принялся расхаживать по палубе, а когда речь зашла о Кратере, вдруг подскочил к одному из бежавших воинов и схватил его за хитон, крича: "Где Кратер? Что с ним?" Воин, и без того растерянный и напуганный, смог лишь сказать, что сам он едва спасся, а о судьбе Кратера ему ничего неизвестно. Александр побледнел и с криком "Так вы бросили его!" Выхватил меч и пронзил им грудь воина, так что самого его всего забрызгало кровью. Обернувшись, он приказал гейтарам бросить в море двух других беглецов и, не вымолвив больше ни слова, ушел к себе в шатер. Об этом случае рассказывает Аристул.

LXXXVII. Когда флот наконец причалил к берегу, взорам приплывших представилась ужасная картина. Ночью воины Кениата ворвались в лагерь и перебили всех, кто там еще оставался, и теперь Александра встретили лишь мертвые тела. Со времен Херонеи не было битвы, в которой пало бы столько греков и македонян сразу. Нубийцы сняли со всех убитых доспехи и одежду, так как их земля бедна металлами и ткачество им неизвестно, а также отрезали у каждого правое ухо, которое, надетое на ожерелье вместе с ушами других побежденных, служит у них доказательством доблести воина. Нагие тела, изувеченные и окровавленные, устилали землю в лагере и на поле перед ним, во множестве находились они и в лесу, покрывая, как говорят, пространство в пять стадиев вокруг, и на мертвечину начали уже собираться птицы и звери. Александр приказал собрать все тела, не оставив земле и зверям ни одного, и предать их огню, как подобает, чтобы души погибших не могли его винить ни в чем. Тела Кратера, сколько ни искали, найти не смогли. Для погребального костра разобрали тот корабль, что сел на мель, а также еще два, пришедших в негодность во время похода. Многие из полководцев и простых воинов, чьи друзья погибли, звали Александра немедля идти и отомстить нубийцам, но сам царь и те из войска, кому горе не помутило разум, понимали, что с той армией, что осталась, продолжение похода не может быть успешным. Александр был к тому же напуган столь ужасно сбывшимся пророчеством и, желая избежать дальнейших бедствий, которые обещал поход, обратился к предсказателям. Были принесены жертвы богам, при этом несколько баранов пало, не дождавись ножа, а тот, что был предназначен для гадания, чудесным образом развязался и, вырвавшись, убежал в лес, унеся в боку жертвенный нож, посвященный Афине. Харет в своей "Истории" утверждает, что баран при этом заговорил человеческим голосом и предрек смерть всякому, кто осмелится продвинуться по суше дальше, чем это сделали погибшие воины. Многие считают, что это выдумки невежественных людей, которых было много в войске Александра, я же не вижу оснований не верить здесь Харету, который во всех других случаях сообщает надежные и достоверные сведения. Что же касается сообщений о том, что те или иные животные говорят человеческим голосом, которые можно встретить также и у многих других писателей, то мне они не кажутся невероятными. Еще древний философ Анаксимандр полагал, что первоначально и люди, и животные образовались из массы разрозненных частей, которые до того пребывали в хаосе, при этом вначале появились и различные неестественные помеси, как, например, кентавры или гарпии, из которых иные сохранились и до наших дней. Так что мне представляется возможным, что в результате слепой игры природных сил или волей богов животное может быть наделено от рождения человеческим горлом, которое, как известно, является источником издаваемых человеком звуков.

Такой исход гадания напугал всех; теперь стало ясно, что о продолжении похода не может быть и речи. Тотчас после окончания церемонии был отдан приказ воинам садиться на корабли, и вскоре флот отплыл, оставив на берегу угли погребального костра и, выражаясь поэтически, мечты о покорении мира. После соединения с остававшейся на азиатском берегу частью, Александр повел

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
армию назад берегом Красного моря, и через три месяца солдаты были в Александрии. Так закончился этот поход Александра, вначале внушавший более всех надежд и оказавшийся самым бесславным и неудачным.

LXXXVIII. Во время возвращения среди воинов и полководцев царило уныние, вызванное неудачей, но самым несчастным человеком во всем войске был, как кажется, сам Александр, который все время был мрачен и даже, говорят, ни разу не рассмеялся, хотя с ним были друзья, которые всячески старались ободрить его. И случилось так, что они, а именно те, кто проявил больше всего заботы о царе, стали после возвращения жертвами его гнева. Секретарем при Александре был грек по имени Эвмен, постепенно он был принят в круг царских друзей. Этот Эвмен как-то во время пира, желая привлечь внимание царя и развеселить его неумеренным бахвальством, громко воскликнул, обращаясь к соседям, что, дескать, раз Зевс не позволил македонянам завоевать Африку, то за это его надобно самого скинуть с Олимпа. Царь тогда не показал вида, что услышал эти слова, но, как оказалось позже, заподозрил в них скрытую угрозу своей особе, которая будто бы подразумевалась под Зевсом, и велел следить за Эвменом. Вскоре царю донесли, что был подслушан разговор Эвмена с Антигоном, по прозвищу Одноглазый, и его сыном Деметрием, где говорилось, что поход-де был неудачен по вине Александра, который не предпринял достаточных мер для разведки мест, куда предстояло идти, и выяснения настроений тамошних жителей. Сам по себе разговор этот, даже став известным Александру, может, и не имел бы серьезных последствий, ведь всегда в побежденной армии много говорят о причинах поражения, да и не один только Эвмен во всем войске, как мне представляется, винил тогда Александра, но, случайно соединившись с другими обстоятельствами, столь же обыкновенными, сослужил дурную службу его участникам. Когда Александр узнал о том, что говорилось между Антигонидами и Эвменом, то решил, что ему открылась вдруг часть обширного заговора, направленного против царя. Надобно сказать, что в то время царь оказался под сильным влиянием некоего Антифонта, прорицателя и гадателя, он прислушивался к каждому слову этого человека и не отпускал его от себя ни на шаг. Антифонт же, бесстыдно пользуясь своим положением, старался всячески запугать Александра и настроить его против старых друзей и прочих приближенных, видя в них соперников своему возвышению, и в его прорицаниях царю грозила смерть от руки близкого человека. Позже Антифонт постигла заслуженная кара за вероломство и низость-он сам был оболган другим гадателем и казнен. Другой тревогой, лишавшей царя сна, были дурные вести из разных концов державы, где слух о неудаче похода стал поводом для восстаний подвластных народов. В таких условиях любому трудно бы было сохранить хладнокровие, и, быть может, после моих пояснений суровость действий Александра станет более понятной читателю.

LXXXIX. Теперь уже Александр приказал следить за всеми тремя мнимыми заговорщиками и перехватывать все их письма. Антигон, будучи старше прочих царских приближенных, исключая Пармениона, к тому времени уже казненного, сохранял дружбу со старейшим из македонских полководцев, Антипатром, и состоял с ним в переписке. Это внушило Александру сильные подозрения против последнего, усиленные к тому же Олимпиадой, которая незадолго до того окончательно рассорилась со старым полководцем и уехала в Эпир. Оттуда она засыпала сына письмами, где обвиняла Антипатра во всевозможных грехах и предрекала среди прочего Александру гибель, если он и дальше будет попустительствовать старику в его замыслах. Царь послал тогда верных людей следить за Антипатром. Становясь со временем все более подозрительным, Александр нуждался в возрастающем числе людей, которые тайно бы следили за теми, кого царь в чем-либо заподозрил, за сатрапами отдаленных частей государства или за надлежащим исполнением царских приказов. Для этого был назначен специальный человек, который был бы начальником над такими людьми, передавал им царские приказы, передавал царю все то, что было разузвано и содержал бы их, так как негоже великому царю иметь дело с сикофантами. Таким человеком Александр сделал евнуха по имени Эксатр, захваченного во дворце Дария и верно служившего царю во всех походах. Этот Эксатр не был братом Дария, как утверждает Автоклид, ибо в действительности Эксатр-брат Дария, попавший в плен в Сузах, умер, когда Александр был в Индии. Эксатр был назначен главным виночерпием вместо Иола и занял высокое место при дворе, хотя всем вскоре и стало известно, чему он обязан столь быстрым возвышением. Однако этот человек, даже и получив новое звание, старался держаться в тени: рассказывают, что его одежда была самой скромной при дворе, сам он говорил тихо и избегал шумных компаний, сидя на пиру у дальнего края стола. Для себя он ничего не просил, но постепенно заслужил доверие царя, предупредив его несколько раз против людей, которые, как

выяснялось после, бы ли и правда повинны в кражах или других преступлениях. Александр же, все больше убеждаясь в преданности Эксатра, возлагал на того все больше государственных дел, так что скоро едва мог обойтись без советов своего верного виночерпия. Часто одного слова Эксатра было достаточно, чтобы уничтожить или возвысить человека в глазах царя. (LXL). Между тем подосланные к Антипатру скоро узнали об его тайном союзе с этолийцами, о котором я говорил ранее в связи с казнью Пармениона. Надобно сказать, что в Пелле, да и во всей Македонии многие роптали в то время на царя, о деяниях которого доходили самые разные слухи, дворец же наместника в столице стал как бы центром недовольства. Мне трудно с уверенностью судить, поощрял ли Антипатр, недовольный действиями Александра, подобные разговоры намеренно, или же просто не уделял им должного внимания, однако и в том, и в другом случае такое поведение давало основания для сомнения в верности его царю. Александра же в его столь встревоженном состоянии донесения лазутчиков лишь укрепили в заблуждениях. Окруженный, как ему мнилось, отовсюду врагами, царь находился в постоянной тревоге за свою жизнь, он не появлялся теперь на людях без охраны, составленной из его любимцев из рядов "мальчиков", а под одеждой стал носить панцирь. Александр сделался мрачен и раздражителен, запершись во дворце, выстроеном для него к тому времени в Александрии, он проводил все свое время с гадателями, не зная, что делать и колеблясь между нерешительностью и страхом. Так прошло более месяца. Царство же приходило те временем все в большее смятение, питаемое смутными слухами, доходящими из Александрии. Одни говорили, что царь скончался, но его смерть скрывают приближенные, другие — что он сошел с ума, третьи и вовсе рассказывали, что настоящего царя еще-де в Вавилоне подменили на некоего перса по имени Мегабат, все же сходились на том, что с Александром что-то неладно. Такие известия воодушевили многих царей подвластных стран, придав им надежду на возв трийцам присоединились согды и гирканцы, от Александра отложились все индийские царства, а также сатрапы Парфии и Мидии, беспокойно было и в других частях державы. Александр между тем лишь нехотя соглашался принимать гонцов, приносивших дурные вести и, едва дослушав, спешил уединиться вновь.

XCI. Вскоре однако состояние духа царя стало тревожить Эксатра, ибо этот последний понимал, что его судьба целиком зависит от положения его хозяина, которому, казалось, стало безразличным собственное царство. Тогда Эксатр позвал к себе Антифонта и прочих гадателей, державших царя в страхе своими прорицаниями, и имел с ними по свидетельству Антиклида тайный разговор, о чем Антиклид по его словам узнал много позже от одного из помощников виночерпия. На другой день после этого, во время жертвоприношения, которое Александр делал в храме Аммона, на одного из жрецов будто бы снизошел дух этого бога и устами жреца придупредил царя, что он должен действовать решительно, если не хочет пасть от рук своих врагов, коварный замысел которых уж близок к исполнению. Немного позже к Александру явился Эксатр с письмом, которое только что было перехвачено. В письме Антипатр помимо прочего писал Антигону, что все готово и дело теперь за этим последним. На самом деле речь шла о продаже имения Антигона, которой по дружбе занимался Антипатр, но Александру все представилось так, будто заговорщики хотят уж нанести удар точно так, как того хотел Эксатр. Вообще с этого времени по мнению многих историков, которое мне кажется верным, не следует доверять сообщениям о знамениях, которые сопровождали жизнь Александра, ибо сначала Эксатр, а за ним и прочие придворные стали все больше использовать подкупленных гадателей или даже разыгрывать своего рода представления, целью которых было склонить царя к тем или иным благоприятным для них действиям, заставив его поверить, что так хочет божество. Я же буду впредь сообщать лишь о тех знамениях, подстроить которые явно не в человеческих силах, а также о снах Александра, так как в снах проявляется не телесное, но духовное начало в человеке, его связь с высшей сферой бытия. Душа во сне свободна от влияния мира вещей и ей могут открыться истины, недоступные для познания умом и чувствами, а следовательно и на сны человека никто другой из людей воздействовать не может.

Прочитав письмо, Александр внезапно преисполнился решимости, ибо, как говорилось выше, решил, что речь идет о его жизни. Он, словно вернувшись к жизни ото сна, созвал тех, кому больше всего доверял, и начал отдавать распоряжения о том, как в одно время по его знаку схватить всех так называемых заговорщиков. Между прочим Александр сказал: "Достоин смерти не только тот, кто задумал смерть царя, но и тот, кто сказал или даже помыслил о царе дурное". Было решено действовать на другой день.

XCII. Тем временем затворничество Александра и ухудшающееся положение дел в

государстве внушали все большее беспокойство всем, кто был при царе. Никто не знал доподлинно, что случилось с Александром. Начали уже тайно составляться партии и задумываться различные планы, как вдруг на пятидесятый день своего уединения царь велел всем собраться в тронном зале. Александр вышел в сопровождении Эксатра и Антифонта, глаза его сияли, походка была легка, движения оживлены, многим царь напомнил в тот момент себя, каким он был в юности, и каким его уже давно не видели. Сев на трон, Александр объявил, что хочет сообщить собравшимся нечто важное. "Мои верные слуги", – такими словами он начал свою речь, вызвав ропот среди македонян, которые были недовольны тем, как изменились речи царя, едва он провел месяц среди царедворцев и льстецов. Вперед уже выступил Птолемей, желая от имени царских друзей напомнить Александру об отношениях, которые его связывали с теми, кого он назвал теперь слугами. Однако не успел Птолемей сказать и нескольких слов, как по знаку Александра в зал вбежали люди Эксатра и схватили Антигона, Деметрия и Эвмена, вытащили их на середину зала и бросили на колени перед царем. Также был взят и Иол-старший сын Антипатра. Александр провозгласил тогда, что им обнаружена измена среди приближенных и войска и что заговорщики замыслили злое на самое особу царя. В то же время тридцать тысяч "мальчиков" окружили лагерь вернувшейся из Африки армии и по указанию эксатровых сикофантов хватили каждого, на кого донесли, что он говорил худое о царе. Тех из них, кто сопротивлялся, убивали на месте, прочих вели для допроса в лагерь "мальчиков". Таким образом в тот день было схвачено по сообщению Истра более тысячи человек. Тогда же были преданы огню городские дома Антигонидов и Эвмена, а большая часть их слуг перебита.

Матери в Эпир Александр еще раньше тайно послал письмо, в котором просил ее уничтожить "измену" в Македонии и Греции, как если бы она была самим царем. Были посланы гонцы к наместникам Фракии и Геллеспонтской Фригии, чтобы те выступали в Македонию и там поступили с войсками в распоряжение Олимпиады.

Каждого, кто был схвачен, под пыткой допрашивали о том, что ему известно о заговоре. Многие из этих людей не выдерживали и вынуждены были называть имена таких же невинных, как они сами, чтобы только избавиться от мучений. Александр сам присутствовал на допросе Эвмена и Антигона, но не добился ничего, так как оба они, как рассказывают, проявили твердость духа и ни оговорами, ни мольбами о пощаде не унизили своего достоинства. На протяжении более месяца каждый день на площадях казнили по несколько десятков человек. Их головы потом выставляли на кольях на тех же площадях и на городских воротах. Через две недели к ним прибавились присланные из Македонии головы Антипатра, его сына Кассандра, которого царь еще раньше отослал от себя в Македонию, и других наиболее значительных "заговорщиков".

XCIII. Вообще Олимпиада по свидетельствам многих историков проявила себя в Македонии еще более жестокой, чем ее сын в Александрии. Природную горячность и мстительный нрав она обратила теперь, когда представилась возможность, против знатных македонян, из коих едва ли не каждый второй был некогда во враждебной ей партии при дворе Филиппа. Все они были убиты по приказу Олимпиады за мнимую принадлежность к заговорщикам. Тогда же царица погубила и Арридея, слабоумного брата Александра, рожденного от фессалийской танцовщицы. Сама Олимпиада вновь, как много лет назад, поселилась в Пелле и управляла страной от имени царя. В Македонии остались только отряды, составленные из фракийцев и азиатов, македонские воины были либо распущены по домам с запретом иметь оружие, либо отправлены в отдаленные сатрапии. Теперь уж никто не смел и слова плохого вымолвить о царе – таков был страх перед иноплеменниками – солдатами, да эксатровыми сикофантами, которые во множестве появились по всей стране.

XCIV. Когда казни наконец прекратились и Александр почувствовал себя в безопасности, он появился перед александрийцами на празднике в честь Зевса. Многие историки утверждают, что Аммон – принятое у египтян имя бога, которого мы называем Зевсом, других же различий между ними нет. Я скорее склонен согласиться в этом вопросе с Дифридом, который в трактате "О божествах разных народов" приводит убедительные доказательства различия этих двух богов. Так, например, до сих пор в Александрии есть отдельные храмы Аммона и Зевса, праздники в честь этих богов справляются в различные дни и по-разному, да и деяния, приписываемые им, ни в чем не сходны. Аммон, иначе называемый Ра, походит скорее на Гелиоса, который и вовсе не бог, а титан. Известна однако особая приверженность Александра Аммону, которого он, видимо, все же считал подобием Зевса, почему я и счел уместным познакомить

Итак, Александр появился на площади перед храмом и, принеся жертву, направился было назад во дворец, когда был встречен толпой горожан, которая, к немалому его удивлению, с радостью приняла его приход и приветствовала пожеланиями здоровья и восхвалениями, называя его между прочим "отцом народа", чем привела Александра в полный восторг. Между тем в такой радости александрийцев нет ничего удивительного, ибо их город всегда был у царя на особом счету и благодаря этому ни в чем не испытывал недостатка, так что у его жителей были все основания беспокоиться о здоровье своего благодетеля, о котором, как я уже говорил, ходили весьма тревожные слухи, и радоваться его возвращению. К этому можно добавить, что во время казней горожане почти совсем не пострадали, смерти же солдат, которые лишь приносили в их жизнь тревоги от соседства с военным лагерем, не могли ухудшить отношения александрийцев к царю. Черезвычайно довольный поведением горожан, Александр повелел провести в городе игры по случаю своего спасения и раздать каждому жителю города по золотому дарунку, с тех же пор он приказал именовать себя, помимо прочих титулов, отцом народа. ХСV. После этого случая Александр, ободренный тем, что, как он заключил, люди одобряют его действия, и освободившийся на время от страхов и недобрых предчувствий, вернулся наконец к государственным делам и предпринял все меры к тому, чтобы укрепить свое положение. Прежде всего царь послал для борьбы с отложившимися сатрапами армию во главе с Неархом последним, кому он безоглядно доверял, а также и другую армию, под начальством Леонната и Селевка-против восставших бактрийцев, согдов и индийцев. Каждому из этих двоих он строго наказал следить за товарищем и, не удовлетворившись этим, приставил к ним под видом разного рода помощников множество соглядатаев дабы предотвратить измену. Также поступал царь и при управлении сатрапиями, стремясь разделить власть между как можно большим числом сатрапов, гипархов и стратегов, тех же из прежних сатрапов, о ком ему донесли что-либо, по его мнению, подозрительно, он вызвал в Александрию, чтобы казнить одних и изгнать на отдаленные острова других. Обе посланные Александром армии имели успех-Неарх уже через год одержал победу и вернул обе порученные ему сатрапии царю, поход же Леонната и Селевка продлился четыре года, при этом они повторили путь, проделанный незадолго до того самим Александром. Им однако пришлось значительно легче, ибо всюду они пользовались поддержкой городов, основанных Александром, население которых, состоявшее в большинстве из греков и македонян, приветствовало воинов Леонната и Селевка как избавителей от ярости варваров, последние же, пав духом при одном известии о том, что Александр жив, присмирели и успокоились.

ХСVI. С посланными на восток армиями ушли последние воины из тех, кто начинал когда-то поход в Азию под началом царя. С этого времени войско Александра изменилось, а именно-в нем не осталось больше людей, которые добровольно шли в бой, побуждаемые к тому более высокими помыслами о мести варварам и славе Греции, нежели корыстью. Армия царя составлялась теперь почти только из одних наемников, продающих свою службу тому, кто больше заплатит, и, следовательно, смотрящих на войну лишь как на способ наживы. Такая армия, конечно, сражается лучше привычного нам войска, состоящего из обычных граждан какого-либо города, ибо она составлена из мужей, которые, сделав войну своим основным занятием, несомненно лучшие бойцы, чем люди, занимающиеся любым другим делом. Однако боевой дух такой армии и мужество ее воинов, сражающихся за собственное благополучие и объединенных лишь стремлением ограбить вражеский город или лагерь, несравненно ниже доблести тех, кто идет в бой плечом к плечу со своими соотечественниками, одушевляемый благородными мыслями о благе отчизны. Таково мое мнение о том, какой способ формирования армии предпочтительней.

ХСVII. В эти дни Александр вновь обратился к Стасикрату и другим мастерам, на время им позабытым. Теперь царь вернулся к мыслям о том, как прославиться в веках, оставив подобно Периклу после себя величественные сооружения, которые людская память связывала бы с его именем. Подобные помыслы внушило Александру зрелище пирамид, которые он миновал во время одной из своих поездок вверх по Нилу. Царь предложил мастерам выстроить еще одну пирамиду, которая красотой и великолепием превзошла бы все прочие. Мастера согласились и приступили было к созданию плана, как вдруг на третий день после этого боги явили знамение, которое переменяло ход событий, установленный людьми. Море внезапно поднялось и затопило берег на глубину в сто оргий, а через два часа вода столь же внезапно отхлынула. На обнажившейся земле остались различные морские животные, тела которых образовали в одном месте подобие гигантской буквы "П". Прорицатели

единодушно истолковали знамение как гнев Посейдона, который, столько лет пренебрегаемый людьми ради Ареса, Афины и других богов, напоминал о себе. Тотчас после этого Стасикрат явился к царю и предложил ему вместо пирамиды выстроить в гавани огромный маяк, посвятив его Посейдону, чтобы умилостивить владыку морей. Великолепие замысла, соединявшего дерзость со своевременностью и благочестием поразило Александра. По приказу царя строительство маяка началось в том же месяце.

ХСVIII. Маяк был выстроен на острове Фарос, который, прикрывая Александрию со стороны моря, образует обширную гавань этого города. Царь не покидал Александрии, пока постройка не была завершена. Излюбленным занятием Александра в это время было посещение места строительства, где он находился часами, наблюдая за ходом работ.

Этот маяк, известный как маяк Посейдона, доныне поражает величиим и дерзновенностью замысла мастеров, сумевших с небывалой быстротой исполнения возвести сооружение замечательной красоты. Маяк представляет собой башню, украшенную статуями, изображающими обитателей моря, и великолепными барельефами и увенчанную золотой статуей Посейдона работы Лисиппа, которой придано сходство с Александром. Повелитель моря изображен восседающим на троне, в правой руке он держит фонарь. Этот фонарь и дает свет от маяка. Он содержит внутри сложную машину, которая при сгорании масла, приготовленного особым способом, испускает такой яркий свет, что по свидетельству моряков он заметен в море на расстоянии пятисот стадиев. В высоту башня вместе со статуей насчитывает четыреста футов.

Рассказывают, что когда восставшие греки хотели разрушить маяк, то александрийцы воспротивились и не допустили этого, говоря, что следует видеть в подобном сооружении не идол, построенный тираном, но достойное Посейдона подношение и памятник уменью мастеров. Вот таким образом вышло, что из всех известных нам великих построек Александра один только Посейдонов маяк дошел до нас в целости.

ХСIX. Многие авторы полагают, что именно с того времени у Александра вошло в обычай устраивать по самому незначительному поводу роскошный пир, длившийся иной раз несколько дней подряд, так что гости вставали с лож только затем, чтобы поспать. Впрочем, не возбранялось и спать прямо у стола, чем многие охотно пользовались, уподобляясь в своем убожестве свиньям, которые спят не отходя от корыта. Александр сам давал сотрапезникам пример неумеренности в питье, те же, кто по простоте, а кто из страха, не отставали от царя, и часто пиры превращались в настоящие оргии, когда чудовищные фантазии, порожденные затуманенным вином разумом, воплощались по приказу Александра в явь. Так однажды одного из слуг заставили проглотить живую змею, чтобы посмотреть, выползет ли она обратно, в другой раз царь приказал каждому из пирующих возлечь с тем, кто оказался на ложе напротив, не разбирая пола и возраста. Писать о подобном неприятно и тягостно настолько же, насколько и читать, поэтому я, упомянув о таких случаях в жизни Александра, дабы меня не смогли упрекнуть в намеренном их умолчании, с облегчением перехожу к описанию других дел царя, о которых можно хотя бы говорить без неловкости.

С. Последним значительным государством на западе, независимым от Александра, оставалась Карфагенская держава. Некогда Карфаген был основан финикийцами, но затем обрел независимость и покорил многие соседние с ним царства и народы. Но теперь и карфагеняне трепетали перед Александром, осознавая свою слабость по сравнению с его царством. Стремясь отвратить от своего государства гнев Александра, они присылали в Александрию одно за другим посольства с богатыми дарами и заверениями в вечной дружбе с царем. Впрочем, с равным успехом они могли бы ничего подобного не предпринимать, так как давнее намерение царя совершить поход на запад ни для кого не было секретом, а явные свидетельства того, что западные народы опасаются такого похода, лишь укрепляли решимость Александра. Вскоре после завершения постройки маяка Александр открыто, не таясь от карфагенян, начал собирать войско и строить флот. Всего на этот раз было набрано семьдесят две тысячи пехотинцев, включая сюда и тридцать тысяч "мальчишек", десять тысяч конницы и сто слонов. На пятистах кораблях флота находилось двадцать тысяч моряков. Среди судов выделялся великолепием двадцатипятирусный корабль Александра, один вмещавший пять тысяч человек. На этом корабле разместился царский дворец, а также все то, о чем Александр решил, что не может обойтись без этого в походе, между прочим там были и любимые кошки царя, к которым он пристрастился в Египте, числом более пятидесяти, со специально

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
приставленными к ним людьми. Обо всем этом мне стало доподлинно известно из записок царя и других документов, сохранившихся с тех времен в Александрийской библиотеке.

CI. Теперь Александр искал только повода для начала войны. Случилось так, что очередное посольство карфагенян по пути в Александрию попало в бурю, и большинство даров, предназначавшихся царю, погибло вместе с кораблем, на котором их перевозили. Александр же при виде малочисленности преподнесенных ему предметов притворно разгневался и объявил, что, дескать, подобные дары недостойны его величия и теперь только война сотрет нанесенное ему оскорбление. На другой день флот и войско выступили на запад. Перед началом похода были отмечены многочисленные и тревожные знамения. Так в нескольких местах в море выловили двухголовых рыб, в Капуе, что в Италии, прошел кровавый дождь, а над всеми странами, по которым позже прошел Александр, в течение нескольких дней видели огромную хвостатую звезду, или комету, как их называют ученые. Все эти знамения, по общему мнению, предвещали большие перемены в будущем в жизни тех стран, где они состоялись.

Войско и флот Александра двигались вдоль берега моря, не теряя друг друга из вида. Наученный опытом африканского похода, царь на пятидесяти грузовых судах поместил бочки с пресной водой, чтобы войско даже в самой сухой местности не страдало от жажды. Миновав Кирену, армия вступила в карфагенские владения. Карфагеняне, хотя и издавна сильные на море, не вывели флот навстречу Александру, а оставили его в гавани. Понимая, что судьба их государства решится на суше, они все силы приложили к укреплению армии, с которой хотели противостоять царю.

СII. Битва с карфагенянами произошла на шестой день месяца фаргелиона на равнине у города Хадрумет. Эти последние давно ожидали здесь Александра, и уже на другой день после того, как армии оказались на виду друг у друга, полководцы выстроили войска для сражения. Карфагенское войско возглавляли два шоффлета-так в этом государстве называются высшие должностные лица, избираемые раз в год, наподобие афинских стратегов, Бомилькар и Адгербал. Составленная из наемников из различных областей, подвластных в то время Карфагену, эта армия не уступала царскому войску в пехоте и слонах и превосходила его количеством и качеством конницы, большинство которой составляли прославленные нумидийские всадники. Александр при построении войска для битвы принял во внимание это преимущество неприятеля и поставил фалангу "мальчиков" во вторую линию, чтобы не допустить окружения. Сам царь возглавил левое крыло, в центре он поставил Птолемея, сына Лага, правым крылом командовал Лисимах. Перед началом битвы полководцы обратились с речами к воинам. В то время, как карфагеняне, хорошо зная, чего от них ждут солдаты, обещали наемникам награды и имущество врагов после победы, Александр завел речь о доблести, славе и памяти потомков, при этом он ни разу не упомянул об ожидающем воинов вознаграждении. Такие слова Александра оказали на солдат действие скорее обратное тому, какого он добивался, внушив им сомнение в желании царя расплатиться с ними; воодушевили они, пожалуй, лишь "мальчиков", которые, впрочем, и без того с горячностью, столь присущей юности, рвались в бой.

СIII. Бой завязали слоны, стоявшие с обеих сторон в центре. Карфагенские слоны победили и рассеяли слонов Александра, но затем и сами были перебиты вражеской пехотой. Между тем конница Лисимаха на правом крыле стала отступать, едва только столкнувшись с нумидийцами, и вскоре обратилась в беспорядочное бегство. Нумидийцы, столь же дикие и необузданные, сколь воинственные, тотчас бросились грабить вражеский обоз, не обращая внимания на приказы своих командиров. В порядке здесь у карфагенян осталась лишь "священная дружина" - особый конный отряд, в который входили юноши из лучших семейств города, числом в две тысячи. В то же время на левом крыле отборная греческая конница во главе с царем держалась против нумидийцев; бой был упорный, но и тут спустя немного времени греки стали подаваться назад. Александр пытался остановить отступающих, но его никто не слушал. Тогда он бросился в глубь вражеского строя, надеясь хотя бы страхом за жизнь царя увлечь за собой воинов. Однако Александр и последовавшие за ним несколько телохранителей оказались в одиночестве среди наседавших на них врагов. Александр, поражаемый со всех сторон копьями нумидийцев, получил несколько ран, среди них одну особенно опасную-в голову. Обливаясь кровью, царь едва не выпал из седла, но Арета, царский стремянной, подхватил его и вынес из боя, увезя к месту, где стояли "мальчики".

СIV. Весть о том, что царь ранен, быстро распространилась в войске, приведя

солдат в растерянность, так что теперь казалось, достаточно незначительного усилия карфагенян, чтобы победа оказалась у них в руках. Уже и центр, до того стоявший крепко, начал приходить в замешательство. Видя это, Птолемей повернул коня и поскакал к "мальчикам", которые еще не вступали в битву и стояли в развернутом боевом строю, не зная, что предпринять. Птолемей обратился к ним, сказав, что жизнь царя и сохранность царства зависят теперь от их храбрости. "Мальчики" воодушевились и атаковали врага. Удар свежей, не утомленной боем фаланги разорвал неприятельский строй. Отряд за отрядом карфагеняне обращались в бегство. При виде поражения своей пехоты бежали и нумидийцы. Только воины "священного отряда" карфагенян остались на поле. Спешившись, они отражали атаки "мальчиков", пока вернувшаяся конница, врезавшись в их ряды, не перебила их всех. Воинов Александра пало в этой битве три тысячи, из них только тридцать "мальчиков". Карфагенян же и их наемников погубил более двадцати тысяч, в том числе и оба неприятельских полководца.

Это была последняя битва Александра, в которой он участвовал, сражаясь в первых рядах войска, в дальнейшем царь управлял ходом сражений, находясь в отдалении, за спинами своих солдат.

CV. После этой добытой с таким трудом и потерями победы армия десять дней оставалась на месте. Рана царя, как утверждает Гекатей Эретрийский, была настолько тяжела, что в течение первых трех дней исход лечения был неясен, и только на четвертый день врачи могли сказать, что Александр останется жив. Все это время, пока царь был без сознания, ни один из приближенных, включая Неарха и Эксатра, не осмелился отдать войскам приказ о наступлении, которое довершило бы победу взятием Карфагена, из боязни гнева царя в случае неудачного исхода. Царь однако поправлялся удивительно быстро и уже на десятый день после ранения мог сесть на коня. Тогда же армия двинулась наконец к Карфагену. Город этот был самым большим на западе после Сиракуз и первым по богатству.

Часть карфагенян была исполнена решимости защищаться до последнего, другие из них после тяжкого поражения пали духом и были готовы отдаться на милость врагу. Эти-то люди и снесли тайно с Александром, который ввиду величины города и его неприступного расположения, соединенного с мощностью укреплений, приготовился было к длительной осаде. Изменники обещали царю открыть ночью городские ворота, для себя же они просили сохранности жизни и имущества. Александр дал на это согласие. На следующую ночь ворота были открыты и в город вошли сначала "мальчики", а за ними и все остальное войско. Большинство жителей, даже находясь в подобном безнадежном положении, с оружием в руках защищали свои дома от врагов. На каждой улице, в каждом доме шел бой. Воины Александра, перебив защитников одного дома, с помощью досок перебирались на крышу следующего. В городе начались пожары. (CVI.) Только на седьмой день сопротивление карфагенян прекратилось. После этого Александр отдал город во власть солдат на три дня. Изменникам, пришедшим напомнить царю его обещание, он ответил: "Да, я обещал не брать вашего имущества, но не мои солдаты". Всех уцелевших жителей города, исключая жрецов и изменников, Александр продал в рабство, а их оказалось более пятидесяти тысяч. Убитых и погибших от огня было более ста тысяч. Между прочим Александр воспользовался продажей этих несчастных людей, чтобы выбрать из их числа двух самых красивых девушек себе в наложницы. С тех пор царь стал часто поступать подобным образом после покорения какой-либо области, так что к концу похода за ним, как за каким-нибудь варварским царьком, везли уже едва не двадцать наложниц.

Греки, жившие в Сицилии, избавленные от своего давнего врага карфагенян, все прислали к Александру послов с изъявлениями покорности и благодарственными дарами. Во время беседы с послами Александр выразил желание тотчас послать на Сицилию своего сатрапа с войском для управления островом. Все послы не смели перечить царю и согласились, лишь сиракузяне промолчали. Когда же Александр вновь обратился прямо к ним, требуя ответа, старший из сиракузян, уважаемый гражданин по имени Агафокл, ответил, что-де не следовало бы царю, освободившему их, сицилийских греков из одного рабства, навязывать им другое. В гневе царь приказал Эксатру схватить сиракузян и пытать их. Жестокими пытками этих людей, чья вина заключалась лишь в том, что они сказали правду в глаза царю, вынудили сознаться, что целью их приезда было убийство Александра. Тотчас после этого сиракузян казнили. Мне трудно сказать, действительно ли Александр поверил в это признание, или же он хладнокровно обрек тех людей на смерть потому лишь, что они рассердили его своими речами, но и в том, и в другом случае очевидно пагубное действие на

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
царя лъстецов, испортивших его нрав настолько, что низменные побуждения в нем легко одержали победу над природным чувством справедливости, которым некогда славился этот человек.

CVII. Из Карфагена Александр двинулся далее на запад, в Нумидию и Мавретанию. Нумидийцы подчинились ему без боя, мавретанцев же он разбил в сражении, взял их столицу и заставил сдаться, потратив на всю войну ровно десять дней. В честь этого Александра стали именовать "молниеносным".

Наконец войско подошло к Геракловым Столпам—так называется пролив, который соединяет Внутреннее Море и Океан. Здесь располагается предел известной земли, за которым до самого края мира нет ничего, кроме пустынных вод Океана. Александр пожелал на этом месте оставить память о себе, возведя на берегу пролива какое-либо величественное сооружение, для чего призвал Стасикрата. Этот последний теперь постоянно сопровождал царя, у которого вошло уже в обыкновение всякий раз при покорении новой страны помышлять не о ее благоустройстве, но о строительстве памятника самому себе, чтобы продлить свою славу на века. Увы, и в счастье человеческая натура не знает предела желаниям! Насытить и удовлетворить ее невозможно, поскольку даже будучи повелителем почти всей известной части Ойкумены этот человек желал раздвинуть границы своей власти и на то, что никому из людей неподвластна будущее времена. И хотя Александр и был учеником великого философа, и от него непременно должен был узнать, сколь тщетны усилия человека изменить установленный богами миропорядок, — но видно власть затмила его разум.

CVIII. Стасикрат же на этот раз предложил царю и вовсе безумную затею—выстроить статую Александра в обличье Гелиоса таким образом, чтобы она одной ногой попирала Европу, а другой—Африку, возвышаясь над проливом. Ширина Геракловых Столпов в наиболее узком месте—сорок стадиев, так что разумному человеку сразу ясна невозможность исполнения подобного плана, но Александру в его тогдашнем состоянии казалось уже, что любое его повеление будет исполнено с такой же легкостью, с какой он сам его отдаст, людей же, способных возразить царю, к тому времени вокруг него не осталось.

Строительство было отдано под начало Стасикрату, и войско еще не двинулось дальше, когда на обоих берегах пролива были положены первые камни в основание статуи. Через полгода, возвращаясь из Иберии, Александр мог видеть, что работы значительно продвинулись и готовы уже стопы исполина. Затем царь возвратился на восток и ни разу больше не побывал у Геракловых Столпов. Со строительством статуи же произошло вот что. Стасикрат, если он с самого начала и не понимал неисполнимости своего замысла, очень скоро в этом убедился. Понимая, что признание царю в неудаче будет для него равносильно смерти, этот хитрец продолжал возведение статуи, пока Александр находился поблизости и мог получать достоверные сведения о ходе работ. Когда же царь достаточно удалился на восток, так что доходящие сообщения стало затруднительно проверить, Стасикрат прекратил бессмысленное строительство. Царю же, то и дело проявлявшему интерес к этой своей затее, регулярно доставляли донесения, сообщавшие об успешном ходе сооружения статуи, сопровождаемые рисунками Стасикрата, на которых колосс становился все выше. На последнем из известных рисунков работа доведена уже до пояса. Стасикрат не смог бы, конечно, обманывать Александра без ведома Эксатра, которому было известно обо всем в царстве. Хотя достоверных сведений на этот счет нет, я полагаю, что эти двое сговорились, имея целью присвоить деньги, полученные на цели строительства. Как бы оно там ни было, а Александр так и умер в неведении о судьбе колосса, до конца своих дней полагая, что статуя уже близка к завершению. На деле же построены были лишь две ступни по берегам пролива, из которых ни одна не дошла до наших дней.

CIX. Ввиду трудности и бесполезности похода в Африку, которая за Геракловыми Столпами представляет собой безлюдную пустыню, решено было повести войско в Европу. Переправившись через пролив, Александр начал войну с иберами. Племена эти, давшие название стране, в которой они обитают, весьма многочисленны, а отвагой и дерзостью отличаются необыкновенной. Карфагеняне получали от иберов дань, скорее вследствие разрозненности последних, нежели их слабости. Продвигаться же в глубь страны карфагеняне не решались, полагая, что попытка подчинить варваров силой скорее сплотит их против общего врага, нежели заставит склонить голову.

Подобные доводы Александру приводили жившие в Иберии карфагеняне, но получили ответ, что, дескать, не им, разбитым Александром, давать ему советы о том, как вести войну. А вышло все так, как и говорили те

советчики. Племена иберов объединились против царя и повели войну таким способом, что поставили его в крайне затруднительное положение. Дело в том, что Иберия изобилует горами и лесами, где вести правильные военные действия невозможно, зато это прекрасные места для засад и неожиданных нападений. Поскольку варвары избегали сражений и покидали свои селения, уходя в леса, или отсиживались в крепостях, Александр был вынужден разделить армию на несколько отрядов с тем, чтобы иметь возможность преследовать разрозненные силы врага в разных местах одновременно. Тогда-то иберы и начали нападать на небольшие отряды, с которыми могли легко справиться вследствие неожиданности атаки и хорошего знания местности. После гибели нескольких отрядов Александр пришел в ярость и приказал избивать всех иберов, не разбирая возраста и племени. Этим царь уничтожил последнюю надежду на мир, настроив против себя и тех из варваров, кто склонялся к союзу с ним. Война затянулась. (СХ). Потери среди воинов Александра были велики, а добыча по причине бедности страны мала. В войске начался ропот. Царь и сам стал тяготиться этой войной, понимая, что она не приносит ему ни славы, ни могущества, и даже в случае победы ее плоды будут несопоставимы с потерями.

Вскоре Александру представился случай покинуть Иберию. В Италии вели войну два племени—самниты и латины. Первые, потерпев поражение, попросили помощи у царя. Александр тотчас воспользовался этим. Одержав незначительную победу над олькадами, одним из племен иберов, царь провозгласил войну оконченной, а страну—подчиненной и, посадив войска на корабли, поспешно увел их из Иберии, оставив лишь гарнизоны в прибрежных городах. Это был первый случай, когда Александр прекратил поход не из-за невозможности победить, но убоявшись трудностей продолжения войны.

СХІ. В Италии к Александру явились послы от всех греческих колоний с мольбами о помощи: в царю видели теперь защитника греков во всем мире—в Азии—от персов, в Сицилии от карфагенян, в Италии же врагами греков были латиняне. Этот народ будто бы произошел от Ромула, сына Энея, спасшегося из погибшей Трои, и по этой причине их столица называется Рома. В то время, как большинство племен Италии перенимало обычаи и ремесла у греков, признавая их первенство среди народов, латиняне, отличавшиеся храбростью и гордостью, не допускали к себе ничего чужеземного. Предметом особой гордости латинян было то, что они сохранили в неприкосновенности обычаи предков, из которых главными считались храбрость, неприхотливость во всем и верность отчизне. Рассказывают, что однажды вражеское войско подступило к РOME. Один из латинян задумал убить царя врагов. Пробравшись в палатку царя, он, однако, ошибся и убил одного из царских приближенных. Тотчас схваченный, он проявил небывалую твердость духа, когда сам опустил свою руку в жаровню, приготовленную для пытки, и спокойно переносил боль. Пораженные этим, враги предпочли заключить мир.

Латиняне вели постоянные войны с соседними народами и, подчинив себе обширные области Италии, начали теснить греков и их союзников самнитов. Тогда-то к последним и пришел на помощь Александр. Обе стороны были столь уверены в себе и преисполнены решимости, что не было даже переговоров, обычно предшествующих любой войне, и первая встреча противников состоялась на поле битвы.

СХІІ. Сражение Александра с Латинянами произошло недалеко от города Фрегеллы, который расположен к северу от Капуи. Во главе войска латинян стоял Фабий Руллиан, избранный ими для ведения войны. Он посторил свою армию, почти не имевшую конницы, таким образом, что обойти ее было невозможно—слева фланг был прикрыт рекой, а справа болотом. Пехота латинян была построена в особом порядке, называемом "легионес". Порядок этот напоминает нашу фалангу и заключается, насколько я могу судить, в том, что в первый ряд встают молодые воины, во второй—более опытные и в третий—ветераны. Преимущество этого строя таково, что более молодые воины, зная о присутствии сзади старших, не помышляют в бою ни о чем ином, кроме того, как отличиться и получить одобрение заслуженных соплеменников. У Александра на левом крыле стояла фаланга "мальчиков", на правом—остальная тяжелая пехота, в том числе и отряд присоединившихся к царю самнитов. Конница ввиду невозможности действовать на флангах осталась во второй линии, чтобы поддержать пехоту там, где понадобится. Левым крылом командовал Птолемей, над правым царь поставил Селевка. В начале сражения воины Александра решительно устремились на врага, но не смогли сломить его первым ударом, и схватка затянулась. Позиция, занятая латинянами, исключала возможность обхода, строй же их стоял неколебимо. Тогда Александр приказал

коннице пройти через строй своей пехоты и присоединиться к первым ее рядам, чтобы удвоить натиск. Вышло же наоборот всадники здесь и там расстроили тесные ряды пехоты, особенно повредив при этом фаланге, для которой главное в бою-сохранить сплоченность. Увидев замешательство неприятеля, латиняне усилили натиск. Разражаясь то и дело воинственными криками, они испугали коней врагов, так что многие из всадников обратились в бегство.

СХІІІ. Исход сражения решили самниты. Это племя издавна враждовало с латинянами, и теперь, находясь в войске Александра, они лишь продолжали давний спор. В то время, как прочие воины царя склонялись к бегству, самниты, проявив чудеса храбрости, победили и обратили в бегство находящихся против них латинян. Продвинувшись в глубь вражеского строя, они встретили конницу, которую привел Руллиан, чтобы закрыть прорыв, но успех так воодушевил этих людей, что и конницу они разбили, а их вождь Понтий насмерть поразил Руллиана. Вследствие этого латиняне пришли в смятение и побежали. Они бежали толпами, но это не служило для них спасением: победители уже прыскали по равнине, убивая бегущих. Говорят, в этом сражении из сорока тысяч латинян пало тридцать пять. В войске Александра больше всех потеряли самниты-из трех тысяч их уцелела едва тысяча. Царь же не проявил никакой благодарности к этим храбрецам, спасшим его армию от поражения. Он велел передать самнитам через гонца, что, дескать, надобность в их помощи отпала и они могут отправляться по домам. Рассказывают, что услышав эти слова, Понтий воскликнул: "Не врагов тебе следует бояться, о царь, а собственной заносчивости, она вернее всего погубит тебя". Так Александр своей неблагодарностью лишил себя дружбы славнейшего из племен Италии, не приобретя взамен ничего, кроме дурной славы. Видно боги ослепили этого человека, раз и в счастья, которое чаще обнажает доблести людей, он проявил лишь пороки.

СХІV. Сразу после сражения Александр повел войско к РOME. Латинян, искавших спасения в крепости на вершине холма, называемого Капитолий, он осадил и голодом вынудил к сдаче. Но и сдавшихся на его милость, царь не пощадил их. Всех латинян мужского пола, от младенцев до стариков, он приказал убить, а женщин продать в рабство. По всей державе Александр велел объявить, что латиняне наказаны за то, что дерзнули противиться ему, великому царю и сыну Зевса. В действительности же Александр отомстил таким образом за страх, испытанный им, когда исход сражения стал склоняться в сторону латинян. Таково мнение на этот счет Аристотеля, которому в вопросах характера царя стоит, как мне кажется, целиком доверять.

Исполнить приказ царя об убийстве отказались все воины. Будучи наемниками, они сохранили однако представление о том, что должно делать, а что-недостойно. Лишь "мальчики" с легкостью подчинились приказу, находя, как рассказывают, в подобном жестоком деле даже удовольствие и похваляясь друг перед другом, кто зарезал больше беззащитных людей. По моему мнению, в том, какими стали эти люди, вина не столько их, сколько Александра, в безоглядной преданности и любви к которому их воспитали с детских лет, так что подчиняться этому человеку для них было смыслом всей жизни. Склонности, привычки и капризы царя были для "мальчиков" единственным руководством и законом, так стоит ли удивляться тому, что чудовищные злодеяния Александра вызвали на свет чудовищ и в их душах! Поистине прав Алкей, говоря:

Добрых дел сотня едва ль одно в ответ порождает,

Только жестокость одна сто за собою влечет.

СХV. Все народы Италии в страхе подчинились Александру, и только галаты, жившие на берегах реки Пад, не захотели покориться. Эти галаты пришли в Италию со своей родины, которая лежит к северу от Иберии. Дикий и гордый нрав этих людей-порождение суровой природы Галатии, где, говорят, вода зимою застывает и превращается в подобие стекла, деревья теряют свои листья, а с неба сыплется холодный белый пух, который устилает всю землю и пропадает лишь весной. Война с галатами оказалась очень трудна, и их покорение стоило войску больших потерь. По окончании войны вновь, как прежде в Индии, воины воспротивились намерению Александра вести их дальше, в глубь земель варваров: они слышали, что за Альпами, куда хотел отправиться царь, лежат на тысячи стадий непроходимые леса и болота, полные самых ужасных тварей, тамошние племена варваров выставляют на войну каждое по сто тысяч воинов, а таких племен там десятки. Это были, конечно, по большей части выдумки или преувеличения людей, которые привыкли к легким победам и большой добыче и не хотели идти в неизвестные страны за славой и

новыми землями для своего царя. Все они, впрочем, очень опасались царского гнева и высказывали недовольство осторожно, будучи готовы уступить, если Александр станет им угрожать. Однако тот вопреки всем опасениям спокойно выслушал воинов и, ко всеобщему удивлению, не раздумывая долго, согласился с ними. Причина этого, как мне кажется, в том, что Александр был уже тогда слаб здоровьем настолько, что любой длительный переход без привычных удобств и лекарей он переносил с трудом. Слабость же духа и привычка к изнеженности победили в нем волю к преодолению собственной болезни, и он сам предпочел отступить, едва столкнувшись с первым препятствием. На другой день Александр приказал выступить в Иллирию, что-бы оттуда пройти в Македонию. Так Александр сам прекратил последний из своих походов.

СХVI. Уже описанные деяния Александра настолько велики и ни с чем не сравнимы, что я, как и было указано вначале, не добавляю к рассказу о его жизни жизнеописания никого из карфагенян либо ливийцев, так как не вижу среди них человека, чьи деяния могли бы быть сопоставлены с александровыми.

Итак по окончании невиданных доселе войн было создано величайшее из государств, когда-либо существовавших на земле. Границы царства Александра протянулись от Индии до Геракловых Столпов с востока на запад и от Альп до порогов Нила с севера на юг. Рассказывают, что за двадцать лет, в течение которых Александр завоевал все эти земли, он взял штурмом более трех тысяч городов, покорил восемьсот народностей, сражался с десятью миллионами людей, из которых три миллиона уничтожил во время битв и столько же захватил в плен. Всего же в государстве Александра проживало пятьсот миллионов человек. Однако царь и по своим добродетелям, и по уму оказался, как мне представляется, недостойн уготованного ему жребия и не умел правильно распорядиться тем, что такими трудами приобрел. Еще великий Платон заметил, что, к сожалению, возможность того, что правителем в том или ином государстве делается истинный мудрец, невелика. Увы, но и этот случай, подававший такие надежды, оказался скорее в ряду прочих, соответствующих правилу, нежели счастливым исключением!

СХVII. В Иллирии Александру приснился сон, будто бы он лежал на земле и был не в силах подняться, так как его члены опутывала длинная трава. Вдруг подошел мальчик и освободил царя, распутав стебли. Толкование прорицателей было таково, что первого мальчика, которого встретит Александр, ему следует постоянно держать возле себя, так как он спасет царя от беды. Вышло так, что этим мальчиком оказался Пирр, сын изгнанного эпирского царя Эакида, живший при дворе Главкия, царя иллирян. Александр взял его с собой и не отпускал ни на шаг. Позднее, когда опасения царя ослабели, Пирр стал при нем чем-то наподобие комедианта: когда Александру было скучно, мальчик ужимками и шутками веселил своего господина. Через несколько лет, однако, пророчество сбылось. Один из поваров воспылил ненавистью к царю за казнь своего брата. Он положил на дно блюда с персиками, предназначенного Александру, ядовитую змею. Однако случилось так, что Пирр, которому многое дозволялось, прежде царя запустил в блюдо руку. Укушенный змеей, он тотчас умер, спасая таким образом Александра. Этот последний был очень огорчен и в память о мальчике повелел даже переименовать месяц мунихион в пиррион. После смерти царя название это было, правда, забыто.

Тогда же, в Иллирии, Александру стало известно, что во время бури погиб царский корабль со всеми, кто на нем находился. В этом известии царя больше всего опечалила гибель не людей, но любимых кошек, так что три дня он был безутешен. Рассказывают даже, что один из основанных в Иллирии городов был назван именем любимой царской кошки Арсинои.

СХVIII. После этого Александр выступил с войском в Македонию. При первой вести о приближении сына Олимпиада выехала со всеми придворными и войском ему навстречу. Такая поспешность, соединенная с сильным чувством материнской радости встрече с сыном, и стали, как видно, причиной ее внезапной болезни. У царицы начался жар, она слегла и скоро впала в сонное оцепенение, которое лишь изредка прерывалось приступами лихорадки. В этом состоянии ее и застал Александр. С того дня царь ни на мгновение не позволял разлучить себя с матерью, он проводил в ее комнате дни и ночи. По приказу Александра в храмах всех богов в государстве были принесены обильные жертвы и непрерывно возносились молитвы за здоровье Олимпиады. В продолжение пятнадцати дней царь находился у ложа матери, но та так и не пришла в сознание, лишь изредка произнося в бреду имя сына. На шестнадцатый день Олимпиада скончалась. Тогда только Александр покинул покои матери. Вид

царя был страшен и жалок. Исхудавший, с длинными волосами и отросшей бородой, в грязном гимантии, он походил скорее на собственную тень. Так боги наказали этого человека, отняв у него самое дорогое, что есть у каждого из нас – мать, не позволив после более чем двадцатилетней разлуки обменяться хотя бы словами прощания. Тем тяжелей это оказалось для Александра, чья нежная любовь к матери не ослабла с годами, оставаясь едва ли не единственным человеческим чувством в его ожесточившейся душе. Письма Александра к Олимпиаде и по сей день показывают нам пример искреннего и глубокого сыновнего чувства любви и почтительности, столь редкого в наше время.

Ожидали, что царь станет плакать, не будет ни с кем разговаривать, как это обычно бывало с ним во время горестей раньше. Но Александр ко всеобщему изумлению не замкнулся в своем горе, он лишь бесцельно бродил по дворцу, спокойно выслушивая своих придворных и с легкостью соглашаясь со всем, что ему говорили. Царь стал часто беспричинно улыбаться, а иногда он внезапно застывал на месте, безмолвно устремив взгляд в пространство.

СХІХ. Неожиданно случилось событие, которое обратило глубокую скорбь Александра в настолько же яростный гнев. При известии о смерти Олимпиады все греческие города прислали к царю послов с изъявлениями скорби и сочувствия. Не сделали этого лишь спартанцы, народ, бывший некогда первым среди эллинов. Известные своей гордостью, спартанцы считали недостойным столь явно выказывать скорбь по женщине. Незадолго до того разбитые и тяжело униженные Антипатром, они однако и тогда не поступились завещанным им Ликургом своего рода презрением к обычаям других народов, более мягким и человечным, нежели их суровые законы. Не услышав среди названий городов, выразивших сочувствие, Спарты, царь сначала переспросил, полагая, что недослышал. Узнав же, что и верно, посланцы из Спарты не явились к нему, Александр поблелел и от охватившего его гнева не мог выговорить ни слова, лицо его затряслось. Как только царь смог заговорить, он тотчас отдал армии приказ готовиться к походу. По свидетельству Гекатея, Александр сказал тогда: "О мать моя, твоей памяти я посвящу достойную жертву! Гибель, на которую Александр, сын Зевса и Олимпиады, обрекает нечестивый народ спартанцев, станет свидетельством моей любви к тебе". Через пять дней Александр был на границе Лаконии.

Спартанцы собрали войско и храбро вышли навстречу царю. Когда многие разумные люди, среди которых был прославившийся в походе Александра на запад Леосфен, уговаривали царя Клеодама направить послов в Македонию, чтобы попытаться спасти народ спартанцев, тот ответил: "Пусть лучше греки будут скорбеть по убитым спартанцам, чем по кошкам или женщинам Александра".

СХХ. Сражение произошло у самой Спарты, на левом берегу Эвроты. В строй встали все лакедемоняне, способные держать оружие. Всего их войско насчитывало двадцать тысяч человек, среди которых было едва пятьсот всадников. Во главе спартанского войска стоял Клеодам. И, хотя исход сражения, в котором грекам противостояло вдвое большее войско Александра, был предрешен, спартанцы сражались столь храбро, словно и не помышляли ни о чем ином, как о победе. Обойденные вражеской конницей с флангов, они погибли все до одного. Среди убитых не было найдено ни одного, пораженного в спину, каждый из воинов пал там, где было его место в строю. Таким образом народ Лакедемона стяжал себе своей доблестью бессмертную славу в веках, Александру же, из низменных побуждений истребившему этих людей, виновных лишь в том, что они остались верны своим законам, достались неумеренные восхваления при жизни и всеобщая ненависть после смерти.

Но и перебив взрослых спартанцев, царь не успокоился. Победу в войне он превратил в ужасное преступление, приказав истребить всех оставшихся в городе женщин, стариков и даже младенцев! Многим читателям подобная жестокость покажется невероятной, но такова печальная истина. Народ, оставивший примеры величайшей на земле храбрости, прославленный многими подвигами, создавший наиболее мудрые из известных законов и достойно их соблюдавший, давший миру Ликурга, Тиртея, Леонида, бывший первым и лучшим среди греков, пал жертвой низкой мстительности человека, недостойного последнего из лакедемонян. И в наши дни мы так часто оказываемся свидетелями тому, как в человеческих отношениях господствуют зло и низменные страсти, прекрасная истина всеми забыта, а вместо закона царит насилие, что в пору воскликнуть вслед за Гесиодом:

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
Если бы мог я не жить с поколением пятого века!

Раньше его умереть я хотел бы или позже родиться.

СХХI. Настоящий мудрец, однако, не сетует на несчастья, но всякий раз встречает их спокойно, готовый равно превозмочь судьбу либо достойно погибнуть с пользой для отечества и с тем, чтобы это стало назиданием для будущих поколений, как поступил некогда великий Сократ. Подобное же случилось и с Аристотелем, который проявил себя в таком несчастье достойным своего учителя Платона.

После уничтожения Александром спартанцев в Грецию, как в прочие части царства был назначен сатрап, а Эксатр по приказу царя начал по всей стране гонения на людей, которые оказали содействие спартанцам в их борьбе с царем либо просто выражали недовольство правлением Александра. Немногие из них успели бежать, остальные погибли. Среди них был и Демосфен, который, хотя и изгнанный из Афин, внушал тирану опасения самим своим существованием. Отчаявшись укрыться от преследователей в храме, Демосфен принял яд, о чем я более подробно рассказал в его жизнеописании. Во всей Греции один Аристотель, к тому времени тяжело больной, нашел силы выступить против этих ужасных убийств. Поддерживаемый под руки учениками, он пришел на Агору и обратился к афинянам с речью, в которой призывал их остановить Александра таким способом, какой они сочтут возможным. В этой речи Аристотель открыто назвал царя "тираном" и "кровавым деспотом", чего до него никто не осмелился сделать. Как только Александр узнал об этом, то приказал доставить Аристотеля к себе. Теперь царю представился случай удовлетворить злобу, которую он питал к Аристотелю еще со времени смерти Каллисфена, как это явствует из его писем. Но только Александр либо опасался осуждения своих действий в Греции, если он казнит Аристотеля без явного повода со стороны последнего, либо позабыл о философе, в то время заболевшем, во что, впрочем, трудно поверить, зная мстительный нрав царя. Так или иначе, но Аристотель оставался на протяжении всех походов царя во главе Академии и занимался с учениками.

Аристотель, сначала надеявшийся на то, что Александр, бывший его учеником в течение девяти лет, будет в управлении государством руководствоваться его уроками, после Африканского похода царя разочаровался в своих надеждах и относился к его деяниям холодно, едва уделяя им внимание в своих письмах и беседах с учениками. Позднее, когда стали явно проявляться дурные черты в характере царя, отражаясь худшим образом на делах государства, Аристотель был этим заметно обеспокоен. Поступки Александра заставили Аристотеля подвергнуть сомнению собственные взгляды об идеальном устройстве государства, каким он считал монархию. Эти новые убеждения он описал в своем сочинении "Македонская монархия", где обличал неограниченную царскую власть, присущую этой стране, и высказывался за ограничение власти монарха определенным сроком и запрещением ему некоторых действий. Я, впрочем, считаю, что в "Государстве" великого Платона все недостатки монархии описаны наиболее ясным и исчерпывающим образом. Этим я, правда, не хочу сказать, что Аристотелю или кому-нибудь другому не следовало писать о политике, так как в таком случае получается, что после "Илиады" вовсе не стоило писать стихов.

Но и в "Македонской монархии" Аристотель обличал Александра больше намеками, и только злодеяния царя в Греции вынудили его открыто выступить против Александра.

СХХII. Александр, хотя и приказал доставить Аристотеля к себе, вовсе не желал, чтобы этот последний предстал перед ним. Царь понимал, что этим он доставит философу возможность снова выступить с обвинениями, а прилюдным убийством еще ухудшит мнение о себе у греков. Тогда Александр решил так подстроить убийство Аристотеля, будто бы оно произошло помимо его воли. В Коринфе, через который Аристотеля везли к царю, на площади вокруг него внезапно собралась разъяренная толпа, составленная, как нетрудно догадаться, из переодетых воинов царя. Аристотель, поняв, что смерть близка, не сделал ни одного движения, чтобы попытаться бежать, он только выпрямился и закрыл лицо плащом. Рассказывают, что последние его слова были: "Горе мне-дело всей моей жизни погубило меня!" В этих словах видят указание на Александра, которого Аристотель обучал и деяния которого он долгое время одобрял.

Из воинов, собравшихся вокруг Аристотеля, долгое время ни один не решался

ударить старика первым, кто-из почтения перед великим человеком, другие-не в силах напасть на безоружного. Наконец кто-то из задних рядов бросил камень, и это словно послужило знаком к всеобщей расправе. Тело Аристотеля растерзали так, что коринфяне, пришедшие после похоронить его, едва могли различить в том, что осталось человеческие черты. Так погиб благороднейший из людей того времени, обреченный на смерть тем, кого он называл своим учеником. Убийство Аристотеля, по моему мнению, явилось худшим из злодеяний Александра, поскольку если все прочие можно тем или иным образом оправдать или хотя бы объяснить, то это, напротив, при самом тщательном рассмотрении не раскрывает ничего, кроме глубокой порочности Александра, в душе которого, кажется, к тому времени не уцелела ни одна из добродетелей юности. Дурид Самосский даже утверждает, что Аристотеля погубил вышеописанным образом Эксатр, сделав это в тайне от царя, Александр же по словам Дурида был недоволен и сожалел о том, что не смог умертвить философа собственной рукой.

СХХIII. Затем Александр направился в Азию. Посетив Египет, царь уехал в Вавилон. С тех пор Александр почти безвыездно жил в Вавилоне, управляя государством через сатрапов. Несколько раз он собирался отправиться в новый поход, на север, в страны скифов и галатов, но скоро охладевал и оставался на месте. Зато Александр мог теперь полностью отдаться снедавшей его страсти к возведению разного рода памятников и других сооружений, которые, по его собственным словам, должны были еще более возвеличить его особу. Среди наиболее значительных построек Александра в Вавилоне историки называют Храм всех богов, созданный Стасикритом, великолепный царский дворец, достигавший в высоту двухсот футов, постройкой которого руководил Эрасистрат и замечательной красоты мавзолей Статиры, жены царя, возведенный египтянином Нектанебидом. Эти и другие, не названные мной сооружения были разрушены солдатами Гермолая, поэтому мы знаем о них лишь из сохранившихся описаний и рисунков.

Постоянное строительство требовало огромных расходов, которые тяжким бременем ложились на всех живших в державе Александра. Между тем в его царствование не произошло ни одного значительного движения людей, недовольных разорительными налогами, что нам, привыкшим к такого рода возмущениям, часто происходящим в большинстве государств, кажется странным. Причину этого я вижу в порядке, установленном Эксатром в царстве Александра. Доносчики Эксатра находились там повсюду. Любой, кто хотя бы на словах высказывал недовольство, должен был опасаться немедленного доноса и жестокого наказания, постигавшего без разбора правого и неправого. Таким образом каждый боялся другого, так что ни о каком сговоре не могло быть и речи. Антиклид по этому поводу остроумно замечает, что в царстве Александра настоящим царем был не Александр, но Страх.

СХХIV. Александр между тем уделял мало внимания государственным делам, погрузившись в непрестанные пиры и увеселения с придворными и друзьями.

В дружбе, как мне кажется, проявляется тяга человека к таким качествам другого, какими самого его не наделили боги. Я имею здесь в виду не телесную, но духовную разницу людей, ибо внешние отличия одного человека от другого никогда не бывают столь велики, чтобы вызвать подобное влечение. Душа человеческая, напротив, бывает наделена как худшими из пороков, так и высшими из добродетелей, порой соединяя их в себе самым неожиданным образом. Итак, лучшие из примеров дружды мы видим, когда какое-либо качество одного из друзей только яснее заметно рядом с полной его противоположностью у другого. Так неумное честолюбие и алчность Алкивиада счастливо соединялись с неприятельностью и простотой Сократа, а доблесть Ганнона лишь теснее притягивала его к трусости Ханибаала. Подобную же основу, как мне представляется, имела и дружба Александра с Нейархом, где возрастающая жестокость и стремление к славе одного соответствовали мягкосердечию и скромности другого. Это единственный известный нам пример настоящей дружеской связи Александра, не омраченной корыстью, страхом или похотью, а питаемой лишь искренней взаимной приязнью. Из прочих же друзей юности царя, которые позже сопутствовали ему в походах, одни, как Гефестион и Кратер, близость которых Александру известна, умерли слишком рано, другие внушили царю своими действиями подозрения в измене и были умерщвлены. Последний такой случай, когда были казнены все оставшиеся к тому времени при дворе друзья юности Александра, исключая Нейарха, носит у историков название заговора Птолемея по имени наиболее известного из погибших тогда.

СХХV. Начало всему положила обида Птолемея, сына Лага на царя, когда этот

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
последний забрал от него гетеру по имени Таида. Эта женщина сумела внушить Птолемею такую любовь к себе, что несчастный не мыслил себе жизни без нее, потакал всем прихотям этой женщины, а лишившись ее, пришел в такое отчаяние, что даже задумал наложить на себя руки. Александр же, давно утративший способность к подобным чувствам, видел в Таиде лишь очередную игрушку, какими для него были все окружающие. Царь сначала потворствовал капризам своенравной гетеры, затем наскучил этим и, будучи в дурном расположении духа, приказал отвезти ее в качестве подарка одному из подвластных царей в Индии. Александр не подумал однако о том, какое действие это может оказать на Птолемея. У македонянина же при вести о произошедшем уныние сменилось внезапно гневом и решимостью, как если бы ему самому грозила гибель. Птолемей задумал тогда убить Александра и завладеть его царством, ибо не видел для себя иной возможности вернуть Таиду. Он привлек к заговору остальных царских друзей-македонян. Все они легко согласились, так как давно были отодвинуты от царя новыми любимцами и оставались при дворе одни-з страха, что в случае их отъезда Александр разгневется, другие-из жадности, а третьи-и просто потому, что иной жизни уже не мыслили, Птолемей же обещал в случае успеха возвысить их и вообще вернуть македонянам первенство в государстве. Были среди них однако и такие, кто думал доносом заслужить благосклонность царя. Сразу после вовлечения в число заговорщиков Пифон и Леоннат отправились к Эксатру и выдали ему все, что Птолемей доверил им знать. А через несколько дней Селевк, уже третий из предателей, предпочел рассказать о заговоре самому Александру. Впрочем, погубив таким образом своих товарищей, он не спас и своей жизни, так как Александр немедленно приказал казнить всех вовлеченных в заговор, причем к доносчикам был применен наиболее мучительный способ казни: сварили в кипящем масле. Царь присутствовал на всех казнях, при этом он оставался холоден и безразличен к мольбам казнимых

помощи.

Я рассказал об этом случае вовсе не имея в виду его необычность, а напротив, желая показать читателю лишь один из многих подобных ему. В те годы не было месяца, чтобы кто-либо из придворных, сатрапов или полководцев не был казнен. Казни обычно совершались на площади перед царским дворцом. Необычно же здесь лишь то, что македоняне в самом деле хотели лишить царя жизни, тогда как большинство из остальных казненных пали безвинными жертвами клеветы своих врагов при дворе.

СХХVI. Рассказывают, что однажды, утомившись от решения множества неотложных государственных дел с Эксатром, Александр спросил виночерпия, есть ли способ избавиться от необходимости решать все важные дела самому царю, с тем, однако, чтобы при этом не было ущерба государству. Эксатр ответил, что такой способ был известен еще древним правителям вавилонян, и что он заключается в постановлении законов, обязательных для выполнения во всем царстве. Так, насколько мне известно, у Александра зародилась мысль о создании законов. Нужно заметить, что в Азии это слово понимают иначе, чем у нас. Законами там называются не отдельные, принимаемые народным собранием установления о правилах должного поведения, которые затем вывешиваются на табличках на главной

площади, как у нас в Херонее, в Афинах и повсюду в Греции, но постановляемые царем подобные правила, охватывающие все возможные виды отношений между людьми, недолжных поступков и все то, что еще царь сочтет необходимым предписать своим подданным, так что судья, руководствуясь такими законами, сможет решить любой спор в соответствии с волей своего царя. Наши законы с азиатскими роднит то, что и те, и другие записываются и выставляются для всеобщего обозрения. Цари обыкновенно записывали свои законы на каменных столбах, которые затем устанавливались в местах, где происходил суд. Подобно им поступил позднее и Александр.

СХХVII. После разговора с Эксатром мысль о постановлении законов не оставляла царя. Через несколько месяцев он призвал Эксатра и Нейарха и повелел им начать подготавливать законы, предназначенные для всего царства. Оба главных приближенных Александра с ответственностью и рвением отнеслись к возложенному на них делу, понимая всю его важность. Они поделили между собой труды, которые необходимо было произвести. Эксатр избрал для себя преступления и наказания за них, Нейарх же взялся за прочие правила жизни людей, при этом он пользовался помощью многих вызванных из Греции и Италии философов. Через год Нейарх и Эксатр представили плоды своего труда царю. Одни авторы утверждают, что Александр принял деятельное участие в составлении законов и многие положения в них принадлежат ему самому, по словам других, он едва взглянул на поданные ему листы и тотчас приказал распространять законы такими, как ему их принесли.

Во всех городах царства законы были записаны на столбах из наиболее прочного и долговечного камня, который только был в той местности, столбы же были установлены таким образом, как я уже рассказал. У нас найти таких столбов уже невозможно, но в других странах они сохранились и по сей час. В Египте я сам видел такой столб в Мемфисе.

СХХVIII. Что касается самих законов Александра, то одни хвалят их, другие ругают, мое же мнение таково, что они содержат и хорошее, и дурное. Часть законов, касающаяся преступлений напоминает по общему мнению своей суровостью законы Драконта. Смертная казнь,

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
назначаемая за большинство преступлений, имеет там тридцать

разновидностей, большинство из которых жестоки и мучительны, среди них-топтанье слоном, распятие на кресте и многие другие, еще более ужасные.

Замечательной разумностью и умеренностью отличаются, как мне кажется, законы Александра о семье, им и теперь следуют во многих государствах. Благочестивыми и мудрыми представляются и законы о поклонении богам.

Я не буду здесь более подробно рассматривать отдельные законы, так как боюсь утомить этим моих читателей, тем же из них, кто желает узнать больше о законах Александра, я советую обратиться к замечательной книге Теопомпа "О македонских законах", где они описаны наиболее полным и поучительным образом.

СХХІХ. Однако с постановлением законов Александра и их распространением на всю державу вовсе не

мир и спокойствие вновь снизошли на потрясенную сыном Зевесовым землю,

как говорится в стихотворении Хабрия, но лишь умножились несправедливости, творимые именем Александра. Особенно много бед, если верить наиболее многочисленным и достоверным авторам, принес закон о разбойниках, требующий жителей деревень, находящихся около мест, где бесчинствуют разбойники, выселять в другую сатрапию или продавать в рабство. Рассказывают, что бесчинства сатрапов доходили до того, что пустели целые области, жители которых обращались в рабство под прикрытием этого закона. Те же, кто хотел избежать такой участи, уходили из деревень и становились разбойниками, так что действие закона оказалось противоположно тому, какое предполагалось.

Я далек от того, чтобы обвинять Александра во всех беззакониях, происходивших в царстве без его ведома, но он должен был все же либо не предоставлять правившим от его имени столько власти, чтобы она могла быть использована во вред государству, как это описано мною выше, либо, предоставив такую власть, проследить за надлежащим ее применением. Ничего из этого Александр не сделал, и за это образ его правления достоин порицания.

СХХХ. Между тем дела, занимавшие Александра в то время, были направлены отнюдь не на благоустройство государства, но на то, о чем я уже не раз упоминал, и чему царь посвятил, кажется, большую часть жизни превознесение собственной особы. Итак, Александр провозгласил себя живым богом. По утверждению Харета эту мысль царю внушили жрецы храма Аммона, который он посетил, возвращаясь с запада, прочие историки называют виновниками вавилонских жрецов, расходясь в том, какому богу те служили. То, до каких пределов дошло помрачение рассудка царя-а иначе, как помрачением рассудка и не назовешь то, что случилось с Александром, показывает случай, приводимый Аристобулом. Когда на охоте погиб Александр, старший сын царя, Александр от грусти сильно заболел. Во время болезни у ложи царя неотлучно находился Неарх, не доверявший врачам ухаживать за больным в свое отсутствие. Однажды Александр, до того лежавший тихо, внезапно весь задрожал и, бросившись Неарху на грудь, разразился рыданиями. Со слезами на глазах царь стал спрашивать пораженного Неарха: "Я ведь никогда не умру, Неарх? Это правда, что я буду жить всегда?" Неарх как мог пытался успокоить Александра, но тот позволил себя уговорить не раньше, чем вошедшие на шум врачи подтвердили царю, что он не умрет, но будет жить вечно.

Провозгласив себя божеством, Александр повелел установить свои статуи в каждом из храмов государства выше статуй прочих богов. В большинстве

сатрапий люди оказались слишком запуганы или слишком равнодушны, чтобы ответить недовольством на новый каприз царя, но не так повели себя иудеи.

Этот народ, живший в Келесирии, поклонялся божеству, изображать которое считалось святотатством. Богов других народов иудеи не почитали, считая их ложными. Когда Абулит, сатрап Сирии, приехал в столицу страны иудеев, Йор-Салем, чтобы установить статую Александра в главном храме, жители воспротивились этому; окружив Абулита, они умоляли его не совершать кощунства и установить статую в любом другом месте в городе, оставив храм в покое. Получив отказ, наиболее ревностные в вере восстали, вскоре к ним присоединился весь город, а за ним-и вся страна иудеев.

СXXXI. Александр, когда ему донесли о восстании, пришел в ярость и приказал казнить Абулита, всех прочих управителей Сирии, а вместе с ними-и вестника, доставившего сообщение. Особенное негодование царя вызвала причина восстания. "Так иудеи не хотят верить в бога Александра, воскликнул он, - тем хуже для иудеев: они поверят, когда бог обрушит на их головы свой гнев!" Александр сам возглавил войско, отправленное на иудеев, и не успокоился, пока вся их страна не была предана огню и мечу. Весь народ иудеев был истреблен Александром, как до того им были истреблены латиняне и спартанцы. Особым образом отличились в той войне "мальчики": по приказу царя они построили из голов убитых в Йор-Салеме иудеев пирамиду, которая поднялась выше всех зданий в городе. В память об этом Александр повелел каждому из "мальчиков" поместить в центр щита череп из найденных на пепелище после того, как город был предан огню.

Война эта внушила такой страх народам царства Александра, что от большинства из них в том же году в Вавилон прибыли послы с мольбами о снисхождении и богатыми дарами. Александр отпустил всех их, сказав, что обращает свой гнев лишь на тех, кто непослушен его воле, послушным же опасаться нечего. Рассказывают, что в Египте и Сирии и донныне непослушных детей пугают именем Александра.

СXXXII. Одно время при дворе Александра стала пользоваться большим почетом поэзия, а в особенности-поэмы, прославлявшие деяния самого Александра. Царь любил слушать такие поэмы во время пира, таким образом поэты заменяли ему танцовщиц или другие, более пристойные в подобных случаях развлечения. Обыкновенно слушание произведения заканчивалось одобрением автора царем и его приближенными и награждением, причем награда была тем больше, чем большее число героических деяний, не забывая при этом о правдоподобии, приписывалось Александру. Однажды свою поэму представлял таким образом царю Гиппоник из Эфеса, бывший в то время одним из знаменитейших поэтов. Александр, уже порядком хмельной, сначала слушал его благосклонно. Но когда речь пошла об Африке и поражении, понесенном там войском, царь внезапно переменялся в лице, вскочил с ложа и закричал: "неверно, этого не было! Не говори больше об Африке!" Гиппоник в смятении перешел к следующей части поэмы, но и там на его беду упоминалась Африка. Тогда Александр в гневе приказал схватить Гиппоника и тех за столом, кто открыто выражал одобрение поэме, и всех их казнить. После этого Александр вскричал, обращаясь ко всем оставшимся: "Африки нет, слышите!" По свидетельству Онесикрита с тех пор при царе избегали упоминания Африки, это название удалили с географических карт и из книг, доступных Александру.

СXXXIII. О последнем из указов Александра, повлекшем столь несчастливый для этого человека последствия, существует, кажется, столько же мнений, сколько авторов. Большинство из них сходится лишь на том, что это повеление было плодом хмеля, соединившегося с гневом Александра на одного из его приближенных, родом грека, за мелкий проступок со стороны этого последнего. Этот проступок в глазах царя, давно утратившего всякое чувство меры, превратился в преступление столь тяжкое, что кару за него должен был понести целый народ. На этом сходство во мнениях историков заканчивается.

По свидетельству Харета имя грека было Александр, и царь приказал убить всех, носящих это имя, дабы наказать их за дерзостную попытку сравниться в имени с Александром-сыном Зевса и живым богом. По словам Аристубула, грека звали Комий, Александр же разгневался за проступок Комия на всех греков и велел всех их перебить. Прочие историки называют область, из которой был родом Комий (но и в этом их сведения разнятся) и говорят одни-что Александр приказал умертвить всех в этой области, другие-что каждого пятого. Существуют еще и иные мнения, которые я не привожу.

Такая разногласица имеет, как мне кажется, ту причину, что большинство из присутствовавших при том, когда был отдан этот приказ, и из тех, кому было поручено его исполнить, вскоре погибли, так что достоверных сведений о нем не осталось, писателям же пришлось выбирать из слухов, искать в которых истину о событии—все равно, что, как говорит Тимон из Элеи,

Злата крупицу искать в руднике

Темном беззвездною ночью. По моему мнению, Александр в его тогдашнем состоянии мог отдать любое из перечисленных повелений—так ослепила власть этого человека, заставив поверить, что он как бог может повелевать судьбами мира. Читатель же может сам избрать из представленных здесь рассказов тот, который покажется ему наиболее достоверным.

СXXXIV. Тогда наконец Александра постигло возмездие за непомерную жестокость, с которой он обращался с народами своего царства—греки, его первая после македонян опора во всех свершениях, восстали во главе с Гермолаем против царя, вернее, против той ужасной участи, которую последний им приготовил, и низвергли его власть; как это произошло, я расскажу кратко, потому что подробно об этом говорится в жизнеописании Гермолая.

Когда страшный приказ царя был передан сатрапу Греции, то тот не смог сохранить его в тайне, и скоро слух о предстоящем избиении прошел по всей стране. Первыми решились на восстание афиняне, которые после гибели Фив и Спарты остались по всеобщему мнению наиболее достойным и сильным народом, и на которых были устремлены всеобщие упования. Афиняне призвали себе в вожди Гермолая. Этот человек был в то время широко известен в Греции и Македонии своей упорной борьбой против царя, тем более замечательной тем, насколько неравной она была. Гермолай был родом из Фив. Во время взятия города Александром, будучи еще мальчиком, он был свидетелем гибели своей семьи от рук македонских солдат, а самого его продали в рабство. Тогда—то и зародилась в душе этого человека ненависть к македонянам и в особенности—к Александру, огонь которой словно питал всю его жизнь. (СXXXV). Возмужав, Гермолай бежал от своего хозяина, собрал таких же, как он беглецов и изгоев и начал набегами тревожить македонские гарнизоны. Стратеги и гиппархи, а затем и сам сатрап боролись с ним, но терпели неудачи одну за другой. Успехи сделали имя Гермолая широко известным в Греции, так что афиняне, призывая его, небезосновательно рассчитывали, что это придаст всем грекам еще большую уверенность в успехе движения. Гермолай целиком оправдал возлагавшиеся на него надежды. Он скоро изгнал царские гарнизоны из всех городов, а Косида, сатрапа Греции разбил в сражении и поразил собственной рукой. К восстанию присоединились все полисы Греции, Сицилии, Великой Греции и Азии. Гермолай потребовал от каждого города по триста лучших воинов и, собрав таким образом тридцать тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников, направился к Геллеспонту, разбив по пути сатрапа Македонии. Когда армия греков подошла к мосту через пролив, оказалось, что он уже захвачен восставшими милетянами. Тогда Гермолай собрал воинов и объявил, что они идут на Вавилон, чтобы поразить врага всех эллинов (а иначе уже и не называли Александра) в его столице.

СXXXVI. Александр узнал о восстании греков не раньше, чем войско Гермолая было уже в Азии. Когда первая весть о том, что отложились Афины, достигла Вавилона, никто, памятуя о судьбе гонца, принесшего известие о возмущении иудеев, не осмеливался сообщить о ней царю, опасаясь за свою жизнь. Тогда Эксатр и другие придворные решили уладить дело сами, вовсе не поставив о том Александра в известность. Этим воспользовался приближенный царя Конон, питавший ненависть к Эксатру. Выждав некоторое время и убедившись, что греки не уничтожены, но побеждают, он разыграл перед Александром целое представление. Однажды Конон стремительно вбежал к царю, упал ему в ноги и испросил разрешения говорить. Удивленный, царь позволил. Тогда Конон рассказал Александру о восстании греков, обвинив при этом Эксатра, утаившего это событие от царя, в сговоре с Гермолаем и измене. Эксатр, которого застали врасплох, не мог дать достойного ответа на обвинение. Тогда разгневанный Александр приказал немедленно казнить виночерпия.

Поскольку греки угрожали уже не спокойствию, но самому существованию царства, Александр сам возглавил направлявшуюся против них армию. До того тяжело болевший и не встававший с ложа почти полгода, царь вдруг словно помолодел и все делал с давно, казалось, оставившими его бодростью и решимостью. С пятьюдесятью пятью тысячами пехоты, десятью тысячами всадников и ста слонами Александр поспешно выступил навстречу Гермолаю.

Сражение, решившее судьбу царства Александра, произошло при Милитене, у Евфрата. Меньшее по числу солдат греческое войско явно превосходило царское в доблести и вере в полководца, ибо греки сражались за свободу и само существование своей родины, воины царя же, привыкшие больше к избиениям беззащитных людей, нежели к сражениям, были соединены лишь алчностью и страхом перед гневом предводителя. К этому добавилась и неожиданная неумелость Александра в построении войск, словно это другой, а не он был величайшим полководцем своего времени и долгое время не знал поражений, побеждая неизмеримо сильнее армии врагов.

СXXXVII. Битва началась атакой слонов царя в центре и конницы на флангах. Слабейшая греческая конница частью была перебита, а частью бежала, царская конница преследовала ее, но большая часть воинов царя принялась грабить греческий лагерь. Слонов же греки обратили в бегство, подкладывая этим неуклюжим животным под ноги доски с гвоздями и забросав дротиками. Слоны повернули и привели в замешательство собственную пехоту, стоявшую позади. Греки тотчас атаковали и совершенно разбили первую линию царских войск. Александр наблюдал за поражением собственной армии, словно находясь в оцепенении, он не использовал приема, принесшего ему победу над карфагенянами—атаки стоявшей во второй линии фаланги "мальчиков", а посоветовать это царю либо отдать распоряжение самостоятельно никто из его приближенных не решился.

Теперь воины Гермолая оказались лицом к лицу с "мальчиками", все еще представлявшими грозную силу. Яркий блеск их великопепного вооружения и черепа на щитах, казавшихся единой страшной стеной, сначала смутили греков, но Гермолай, предвидевший это, во главе специально отобранного им из афинян и фиванцев отряда из трехсот человек обошел линию "мальчиков" и напал на них с фланга. Видя, что строй врагов распался, греки ободрились и атаковали. Поражаемые со всех сторон, "мальчики" гибли, не оставляя мест в строю, ибо всеобщая ненависть, которую они вызвали своими жестокостями, не давала им надежды на пощаду со стороны врага. Все они были убиты греками. Вернувшаяся на поле царская конница, видя поражение своих, бежала, даже не попытавшись оказать сопротивление.

СXXXVIII. Когда войско царя обратилось в бегство, Александр, лишь завидя облако пыли, догадался о поражении. Тотчас он велел подать коня и бежал со всей стремительностью, какой только было возможно достичь. Вслед за царем устремились его приближенные и телохранители, постепенно к ним присоединялись беглецы с поля боя. Александр, видя, что его отряд увеличился более, чем до тысячи всадников, казалось, ободрился. Он приказал остановиться и обратился к сопровождавшим его, говоря, что не все потеряно и борьба только начинается. Посреди речи царь неожиданно разразился рыданиями. Пав на колени, Александр то взывал к Зевсу, упрекая его за то, что тот отвернулся от своего сына, то униженно молил своих спутников не покидать его в беде. Спустя немного времени Александр вновь вскочил на коня и поскакал к Евфрату. Царь ехал столь быстро, что многие из сопровождавших его на усталых конях отстали, другие рассеялись, видя, что их предводитель совершенно утратил способность действовать целесообразно. Когда Александр подъехал к реке, с ним остались лишь верный Нearch и еще двенадцать человек на самых быстрых конях.

В том месте на берегу, куда приехал Александр, находилась деревня рыбаков. Спутники царя спешили и по его приказу согнали жителей на площадь, если так можно назвать место, где немногочисленные жители деревни собирались, чтобы решать общие дела. Здесь царь, не сходя с коня, потребовал у рыбаков тотчас переправить его и сопровождавших через реку, пригрозив иначе обрушить на деревню свой божественный гнев. (СXXXIX). Как оказалось, такие слова были ошибкой Александра. Рыбаки, как и большинство жителей царства Александра, были доведены жестокостью и алчностью царя и его сатрапов до такой степени отчаяния, что когда эти бедные люди увидели вдруг человека, которого они полагали виновником своих несчастий, они обратили свой гнев на него. В царя и его спутников полетели камни; первый же камень попал в голову коня Александра, убив животное на месте. Александр однако удачно соскочил и бросился к Нearchу, требуя у того уступить коня. Когда Нearch замешкался, царь выбросил его из седла на землю, сам вскочил на коня и поскакал прочь. Острога, пущенная рукой одного из рыбаков, попала Александру сзади в шею, сломала хребет и вышла через рот. Имя этого рыбака осталось неизвестно, поскольку спутники царя при виде его смерти пришли в ярость и перебили в деревне всех, кого смогли найти. Затем они, опасаясь погони и желая спасти тело Александра от надругательства врагов, стали спешно

Плутарх Жизнеописание Александра filosoff.org
готовить его к погребению. Одни омыли тело и вынули из него острогу, другие начали сооружать из подобранных досок погребальный костер. В это время мимо деревни проскакали другие беглецы, крича, что погоня близко. Спутники царя в панике рассеялись, с убитым остался один Неарх. Он закончил складывать костер и положил на него тело Александра. Как только показались враги, Неарх поджег доски и, когда огонь разгорелся, сам бросился в него. Об этом изчисле спутников царя.

Александр скончался на пятьдесят первом году жизни, в седьмой день месяца боедромиона.

СХЛ. Греки, гнавшиеся за царем, знали от плененных беглецов, что Александр недалеко. Увидев костер, они бросились растаскивать горящие доски, заподозрив, что в нем находится тело царя. Из костра достали два обгоревших тела. Александр был опознан по диадеме на голове. Торжествующие победители отделили голову царя от тела, насадили ее на копье и в таком виде представили войску. Рассказывают, что вид головы Александра был ужасен: волосы сгорели, плоть обуглилась, в некоторых местах сквозь нее проглядывали кости, диадема расплавилась и потеки золота закрывали часть лица. Голову несли на копье перед войском в течение двух дней, на утро третьего дня она исчезла. Говорят, что той ночью видели как Гермолай и его друг Критий покидали лагерь, неся в руках округлый предмет, завернутый в плащ. Однако оба они утром заявили, что им ничего неизвестно относительно того, что случилось с головой царя. Позднее многие, в их числе известный философ Гармодий, пытались разыскать голову Александра, но, насколько мне известно, никто из них не добился успеха.

Итак, Соссий, ты получил жизнеописание Александра, составленное из всего, что мне приходилось читать или слышать о нем.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!